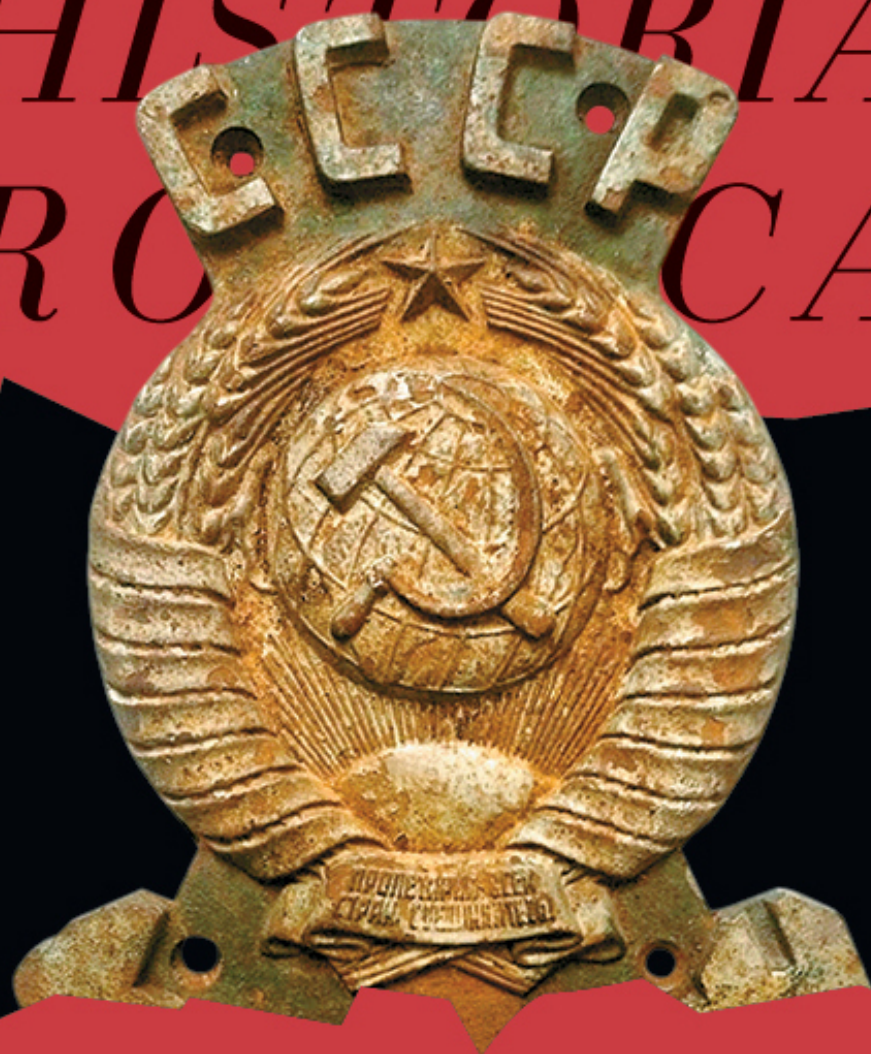


*HISTORIA
РОССИИ*



ФРАНСИН ХИРШ

ИМПЕРИЯ
НАЦИЙ

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ
ЗНАНИЕ И
ФОРМИРОВАНИЕ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Historia Rossica

Франсин Хирш

**Империя наций. Этнографическое
знание и формирование
Советского Союза**

«НЛО»

2005

Хирш Ф.

Империя наций. Этнографическое знание и формирование Советского Союза / Ф. Хирш — «НЛО», 2005 — (Historia Rossica)

ISBN 978-5-44-481694-3

Вышедшая в 2005 году по-английски «Империя наций» уже заслужила статус классического исследования по истории советской национальной политики. Франсин Хирш прослеживает взаимодействие власти и экспертного знания в процессе государственного строительства, показывая вклад этнографов, антропологов, географов, лингвистов и других специалистов в формирование советских представлений о нации и расе, а также выработку самих принципов устройства СССР как многонационального государства. Именно от экспертов, имевших дореволюционную подготовку и опиравшихся на западноевропейские идеи, зависели в 1920–1930-е годы конкретные формы государственной политики в отношении тех или иных народов. На основе обширных архивных исследований автор показывает, как посредством планирования и проведения переписей, картографирования, создания музейных экспозиций общие идеи большевиков кристаллизовались в политические решения. Европейская идея культурного эволюционизма, марксистская теория стадийного развития и ленинская идея о способности революционной партии ускорить историческое развитие стали основой государственной политики интеграции разных народов и культур в рамках советского проекта.

ISBN 978-5-44-481694-3

© Хирш Ф., 2005

© НЛО, 2005

Содержание

БЛАГОДАРНОСТИ	7
СОКРАЩЕНИЯ	10
ВВЕДЕНИЕ	11
1991 ГОД И СДВИГ ПАРАДИГМЫ	12
ИМПЕРИЯ, НАЦИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ СОВЕТСКОГО СОЮЗА	14
ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ	19
ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ	22
МЕНЯЮЩИЙСЯ ЕВРОПЕЙСКИЙ ФОН	25
СТРУКТУРА КНИГИ	26
О ДАТАХ	28
ОТ ПЕРЕВОДЧИКА	29
Часть I. Империя, нация и научное государство	30
ГЛАВА 1. НА ПУТИ К РЕВОЛЮЦИОННОМУ АЛЬЯНСУ	30
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС И БОЛЬШЕВИКИ	32
ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ И ИМПЕРАТОРСКОЕ РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО	37
ЯЗЫК НАЦИОНАЛЬНОСТИ	41
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Франсин Хирш
Империя наций. Этнографическое знание
и формирование Советского Союза

Посвящается Марку

БЛАГОДАРНОСТИ

Изучать эту тему и писать эту книгу оказалось увлекательно, но трудно, и я сердечно признательна учреждениям и людям, чья любезная поддержка и чье содействие сделали эту задачу выполнимой.

Совет по международным исследованиям и обмену (International Research and Exchanges Board, IREX), Фонд Макартуров (MacArthur Foundation), Исследовательский совет по общественным наукам (Social Science Research Council, SSRC), Фонд Эндрю У. Меллона (Andrew W. Mellon Foundation), Фонд Уайтинг (Whiting Foundation) и Принстонское общество стипендиатов Фонда Вудро Вильсона (Princeton Society of Fellows of the Woodrow Wilson Foundation) профинансировали этот проект на его начальной стадии. Постдокторские стипендии Дэвисовского центра русистики при Гарвардском университете (Davis Center for Russian Studies at Harvard University) и Исследовательского совета по общественным наукам, а также приз Виласа для молодых исследователей (Vilas Young Investigator) от Висконсинского университета дали мне время и средства, чтобы провести дополнительные исследования в России и США и взяться за переработку рукописи. Благодаря академическому отпуску по Национальной стипендиальной программе (National Fellows' Program) Гуверовского института войны, революции и мира (Hoover Institution on War, Revolution, and Peace) при Стэнфордском университете в 2003–2004 годах у меня появились свободное время и идеальная обстановка для завершения этого проекта.

Во время обучения в докторантуре Принстонского университета мне посчастливилось работать с Лорой Энгельштейн (Laura Engelstein) и Стивеном Коткином (Stephen Kotkin) – оба они глубоко повлияли на мой подход к истории. Лора Энгельштейн показала мне, как важна научная строгость и как радостен поиск ответов на сложные вопросы. В течение нескольких лет она не раз перечитывала большинство глав этой книги. Благодарю ее за щедрую поддержку – моего выдающегося учителя, коллегу и друга. Стивен Коткин научил меня широкому и компаративному мышлению о советской истории, а также побудил изучать локальные отклики на политику советской власти. Мне помогло его вдумчивое внимание к моей работе; его иконоборчество и сейчас еще вдохновляет меня. В принстонский период мне также выпала удача работать с Марком фон Хагеном (Mark von Hagen) в Колумбийском университете. Спасибо ему за то, что он делился своими обширными знаниями советской национальной политики, читал и комментировал мою работу. Благодарю Филипа Норда (Philip Nord) за пробуждение во мне интереса к колониальным экспозициям и колониальной этнографии на его семинаре по Европе XIX века.

Время, проведенное мной в России, было прекрасным, и это во многом заслуга моих российских коллег. Я очень многим обязана всем архивистам Санкт-Петербургского научного центра Российской академии наук – благодаря их несравненной любезности и эрудиции работа в Санкт-Петербурге доставила мне большую радость. В частности, я благодарна за помощь Ирине Тункиной и покойному Михаилу Файнштейну; отдельная благодарность – Ольге Улановой, бывшей архивистке и истинному другу. Столь же признательна я и сотрудникам Российского этнографического музея в Санкт-Петербурге, особенно Елене Ивановне. Также спасибо за помощь архивистам и библиотекарям Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива экономики, Российского центра хранения и изучения документов новейшей истории, Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга, Архива Русского географического общества, Российской государственной библиотеки в Москве и Российской национальной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Санкт-Петербурге. Особая благодарность – Марии Новичёнок из Рос-

сийского государственного архива экономики. Месяцы, проведенные в Москве, обогатили меня дружбой с Сергеем Журавлевым, талантливым ученым из Института российской истории.

После возвращения в США я много работала в Файерстоунской библиотеке (Firestone Library) при Принстонском университете, в библиотеках Уайденера и Тоззера (Widener and Tozzer Libraries) при Гарвардском университете, в Мемориальной библиотеке (Memorial Library) при Висконсинском Университете в Мэдисоне (University of Wisconsin–Madison), а также в библиотеке и архиве Гуверовского института при Стэнфордском университете. Благодарю за помощь библиотекарей и архивистов этих замечательных учреждений.

В Висконсинском университете в Мэдисоне, где я преподаю с 2000 года, мне посчастливилось оказаться среди одаренных историков. Благодарю моих коллег из Мэдисона за поддержание оживленного и дружественного интеллектуального пространства. Особенно благодарна я коллегам, читавшим и комментировавшим мою рукопись. Тони Майклс (Tony Michels), Бретт Шихан (Brett Sheehan), Флоренсия Мэллон (Floencia Mallon), Ли Уэндел (Lee Wandel), Дайан Линдстром (Diane Lindstrom) и Сюзанн Десан (Suzanne Desan) читали главы рукописи; Нэн Энстад (Nan Enstad) прочла весь черновик. Дэвид Макдональд (David McDonald) прочел всю рукопись несколько раз и всегда охотно обсуждал идеи моего проекта. Спасибо им всем за поддержку и добрый юмор.

Благодарю также коллег из Висконсинского университета, оказавших важную техническую помощь. Джим Эскаланте (Jim Escalante) с кафедры искусства пожертвовал своим временем и опытом, чтобы сканировать изображения для этой книги. Ричард Уорthingтон (Richard Worthington) из Картографической лаборатории умело превратил мои наброски в карты. Шон Гиллен (Sean Gillen) и Айтеен Кылыч (Ayten Kilic) были великолепными лаборантами.

В течение нескольких лет я представляла свои идеи и аргументы на конференциях и семинарах и извлекла немало пользы из вдумчивых комментариев и вопросов коллег. В частности, благодарю Джонатана Боуна (Jonathan Bone), Джейн Бёрбэнк (Jane Burbank), Фредрика Корни (Frederick Corney), Роберта Круза (Robert Crews), Майкла Дэвида-Фокса (Michael David-Fox), Адриенну Эдгар (Adrienne Edgar), Дэвида Хоффмана (David Hoffman), Адиба Халида (Adeeb Khalid), Натаниэля Найта (Nathaniel Knight), Дугласа Нортропа (Douglas Northrop), Юрия Слэзкина (Yuri Slezkine), Сюзан Соломон (Susan Solomon), Чарльза Стейнведела (Charles Steinwedel), Вилларда Сандерленда (Willard Sunderland) и Реджинальда Зелника (Reginald Zelnik). Моя особая признательность – коллегам, читавшим и комментировавшим главы рукописи: Нэнси Аппельбаум (Nancy Appelbaum), Питеру Холквисту (Peter Holquist), Артуру Макки (Arthur McKee), Джону Рэндольфу (John Randolph), Ребекке Соколовской (Rebecca Sokolovsky) и Амиру Вайнеру (Amir Weiner). Большое спасибо Амиру Вайнеру и Норману Наймарку (Norman Naimark) за то, что приняли меня в свой *кружок* во время моего творческого отпуска при Гуверовском институте; я благодарна им самим и их аспирантам за отзывы, которые позволили улучшить окончательную версию рукописи.

Благодарю Брюса Гранта (Bruce Grant) и Нэнси Райс (Nancy Ries), предложивших мне опубликовать эту работу в их серии в издательстве Корнелльского университета (Cornell University Press). Брюс Грант прочитал неотшлифованные главы и дал дельные советы; меня вдохновлял его энтузиазм в отношении моего проекта. Юрий Слэзкин был идеальным «анонимным» рецензентом издательства, он внимательно прочел рукопись и предложил способы прояснения моих аргументов – даже тех, с которыми сам не был согласен. Благодарю его за интеллектуальную щедрость. Спасибо также сотрудникам издательства Корнелльского университета за их профессионализм, терпение и умелую работу с рукописью в ходе ее рецензирования и печатания.

Глубочайшую признательность я выражаю тем друзьям и родным, чьи любовь и дружба поддерживали меня в работе над этой книгой. Морин Уоллер (Maureen Waller), Сюзанн Вердербер (Suzanne Verderber), Дэвид Хорвич (David Horwich), Дэвид Хирш (David Hirsch), Эрика

и Лоренс Хессман (Erika and Lawrence Hessman) сопровождали меня на всех жизненных поворотах. Мои родители Марк и Лоис Хирш (Mark and Lois Hirsch) всегда верили в меня, их любовь и неустанная поддержка служили мне важным источником силы. И наконец, мой муж Марк Хессман (Mark Hessman) жил с этой рукописью с того момента, как познакомился со мной. Прочтя больше черновиков каждой главы, чем кто-либо, он предлагал смысловые и стилистические поправки и подбадривал меня. Его любовь, чувство юмора и товарищеское отношение помогали мне держаться намеченного курса и позволили довести проект до конца. Я посвящаю эту книгу ему.

ДОПОЛНЕНИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ КНИГИ В 2022 ГОДУ

Для меня большая честь издать русский перевод «Империи наций» в «Новом литературном обозрении». Хочу поблагодарить Роберта Ибатуллина за отличную работу над переводом на русский язык, а Анну Абашину и Ирину Жданову за скрупулезную редакторскую работу. Было очень приятно работать с ними от начала до конца. Я признательна Сергею Абашину за то, что он поделился своим опытом в разъяснении некоторых исторических вопросов. За помощь в доработке перевода я также благодарна Бенджамину Рифкину, Вилларду Сандерленду и особенно Ирине Шевеленко за щедрость, с которой она отвечала на мои многочисленные вопросы. Мне действительно повезло с такими замечательными коллегами.

СОКРАЩЕНИЯ

- АО – автономная область
АССР – Автономная Советская Социалистическая Республика
ВЦИК – Всероссийский центральный исполнительный комитет
Госколонит – Государственный колонизационный научно-исследовательский институт
Госплан – Государственный плановый комитет
ЗСФСР – Закавказская Социалистическая Федеративная Советская Республика
ИАЭ – Институт археологии и этнографии
ИПИИ – Институт по изучению народов СССР (ранее – КИПС)
ИРГО – Императорское Русское географическое общество
КЕПС – Комиссия по изучению естественных производительных сил России (позже – СССР)
КИПС – Комиссия по изучению племенного состава населения России
ЛОНО – Ленинградский отдел народного образования
МАЭ – Музей антропологии и этнографии
Наркомнац – Народный комиссариат по делам национальностей
Наркомпрос – Народный комиссариат просвещения
НКВД – Народный комиссариат внутренних дел
РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика (до 5 декабря 1936 года – Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика)
СОПС – Совет по изучению производительных сил СССР
ССР – Советская Социалистическая Республика (ранее – Социалистическая Советская Республика)
ЦИК – Центральный исполнительный комитет СССР
ЦСУ – Центральное статистическое управление

ВВЕДЕНИЕ

В Новое время возникла такая история, какой прежде никогда не было. Отныне она уже не состояла из деяний и злоключений людей и не повествовала о событиях, влияющих на жизни людей; она стала рукотворным процессом, единственным всеохватным процессом, обязанным своим существованием исключительно людскому роду.

Ханна Арендт. Между прошлым и будущим. 1968¹

1991-й был годом необыкновенных событий – таких, как коллапс и распад Советского Союза и официальное завершение холодной войны. Геополитическая карта Европы и Азии изменилась стремительно и радикально. Западные наблюдатели с трепетом, тревогой и недоумением смотрели на подъем национальных движений, возникновение межнациональных конфликтов и формирование новых национальных государств на территории бывшего СССР. Многие политики, журналисты и ученые, привыкшие воспринимать Советское государство как монолит и мысленно отождествлять «русских» и «советских», спрашивали: «Откуда взялись все эти нации? Что за государство был Советский Союз? В чем вообще состояла суть советского социалистического эксперимента?» Когда в 1994 году я впервые ступила под своды архивов бывшего СССР и начала исследовать институциональные, политические, социальные и научные процессы, сформировавшие Советский Союз, я задавалась, в частности, и такими вопросами. Именно вокруг них выстроена эта книга.

¹ Арендт Х. Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли / Пер. Д. Аронсона. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. С. 88. – Прим. пер.

1991 ГОД И СДВИГ ПАРАДИГМЫ

Сейчас, наверное, сложно вспомнить, насколько поражены были люди распадом Советского Союза по национальным границам в 1991 году. Но даже самые проникательные из тех, кто наблюдал за происходившим в СССР, были шокированы, и не без оснований. Десятилетиями национальные конфликты и национальные противоречия внутри Советского Союза оставались белым пятном истории. На протяжении холодной войны большинство западных историков СССР уделяли основное внимание России и русским. Строго говоря, и в те годы на Западе вышло несколько блестящих монографий о нерусских народах СССР, а после советского вторжения в Афганистан европейские и американские ученые написали много важных работ об исламе при коммунистическом режиме². Однако такие работы создавали свои собственные области исследования за пределами мейнстрима и не были интегрированы ни в один из конкурирующих «главных нарративов» о большевистской революции. Кроме того, эти работы отражали общие предрассудки своего времени. Во многих из них нерусские национальности изображались как беспомощные жертвы «советско-русского» правления и узники советской «тюрьмы народов», непричастные к революции. В большинстве работ применялся подход «сверху вниз» и не уделялось внимания сложной природе интересов и конфликтов локального уровня³.

Как можно объяснить это смещение «русского» и «советского»? В чем причина относительно слабого интереса большинства западных ученых к нерусским национальностям СССР в период холодной войны? До некоторой степени эта ориентация на «Россию» отражала практические соображения. Ученым было довольно сложно получить доступ к архивам Москвы и Ленинграда и практически невозможно – к архивам национальных республик. Но еще важнее, что эта ориентация вытекала из восприятия СССР сквозь призму холодной войны. Из-за участия СССР и США в конфликтах по всему миру западные наблюдатели привыкли воспринимать «советских» как единое целое, диаметрально противоположное «американцам». Советское руководство, со своей стороны, поддерживало эту точку зрения, провозглашая существование единого «советского народа»⁴.

Конец советского режима привел к значительному сдвигу парадигмы. На руинах советского колосса выростали новые национальные государства, и в связи с этим появились новые работы, содержавшие тезис, который был в то время спорным и оригинальным, – что советский режим сознательно «создавал» территориальные нации. Согласно одной из этих работ, большевики проводили политику «компенсаторного нациестроительства», активно «создавая» многие из этих национальностей (например, узбеков и белорусов), которые затем провозгласили

² См., например: *Vakar N. P.* Belorussia: The Making of a Nation, a Case Study. Cambridge, MA, 1956; *Reshetar J. S.* The Ukrainian Revolution, 1917–1920: A Study in Nationalism. Princeton, 1952; *Senn A.* The Great Powers: Lithuania and the Vilna Question, 1920–1928. Leiden, 1966; *Borys J.* The Sovietization of Ukraine, 1917–1923: The Communist Doctrine and Practice of National Self-Determination. Edmonton, 1980; *Rakowska-Harmstone T.* Russia and Nationalism in Central Asia: The Case of Tadzhikistan. Baltimore, 1970; *Massell G. J.* The Surrogate Proletariat: Moslem Women and Revolutionary Strategies in Soviet Central Asia, 1919–1929. Princeton, 1974; *Bennigsen A., Lemercier-Quelquejay C.* Islam in the Soviet Union. London, 1967; *Bennigsen A., Wimbush S. E.* Muslim National Communism in the Soviet Union: A Revolutionary Strategy for the Colonial World. Chicago, 1979; *Bennigsen A., Broxup M.* The Islamic Threat to the Soviet State. London, 1983. Некоторые из самых информативных работ о советском подходе к национальному вопросу были написаны до начала холодной войны. См., например: *Kohn H.* Nationalism in the Soviet Union. New York, 1933; *Janowsky O. J.* Nationalities and National Minorities. New York, 1945.

³ В этом отношении многие авторы следовали подходу «тоталитарной школы», господствовавшей в период холодной войны. См. работу, которая в большой степени ориентируется на тоталитарную школу, но также детально описывает интересы местного уровня: *Pipes R.* The Formation of the Soviet Union: Communism and Nationalism, 1917–1923. Rev. ed. Cambridge, MA, 1997. Работа Пайпса была впервые опубликована в 1954 году.

⁴ См., например: *Шенилов Д. Т.* Великий советский народ. М., 1947; *Шерстобитов В. П.* Советский народ: монолитная общность строителей коммунизма. М., 1976.

независимость на фоне экономического и политического коллапса СССР⁵. Тем временем, пока западные ученые писали о неожиданно «прогрессивном» характере советской национальной политики, политические лидеры и ученые в постсоветских национальных государствах заговорили на языке деколонизации, приветствуя гибель коммунистической империи, насильственно подчинившей нерусских воле Москвы⁶. Создавая постколониальный нарратив, эти лидеры и ученые опирались на западные работы, написанные в разгар холодной войны и характеризовавшие Советский Союз как колониальную империю и «разрушителя наций»⁷.

⁵ *Slezkine Yu.* The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism // *Slavic Review*. 1994. Vol. 53. No. 2. P. 414–452. См. также: *Suny R. G.* The Revenge of the Past: Nationalism, Revolution, and the Collapse of the Soviet Union. Stanford, 1993; *Brubaker R.* Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe. Cambridge, 1996; *Fowkes B.* The Disintegration of the Soviet Union: A Study in the Rise and Triumph of Nationalism. New York, 1997; *Smith J.* The Bolsheviks and the National Question, 1917–23. Houndmill, UK, 1999; *Simon G.* Nationalism and Policy toward the Nationalities in the Soviet Union: From Totalitarian Dictatorship to Post-Stalinist Society / Transl. by K. and O. Forster. Boulder, 1991. Работа Симона впервые вышла на немецком языке в 1986 году, до коллапса СССР. Некоторые авторы, например Суни, объясняли коллапс СССР национальным вопросом. Другие не утверждали существования такой причинно-следственной связи. На большинстве этих работ сказалось влияние книг 1980–1990-х годов, в которых обсуждалось «конструирование» современных наций: *Gellner E.* Nations and Nationalism. Ithaca, 1983 [русский перевод: *Геллнер Э.* Нации и национализм / Пер. Т. В. Бердиковой, М. К. Тюнькиной; ред. и послесл. И. И. Крупника. М.: Прогресс, 1991. – *Прим. пер.*]; *Hobsbawm E. J.* Nations and Nationalism since 1780: Programme, Myth, Reality. Cambridge, 1990 [русский перевод: *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 года / Пер. А. А. Васильева. СПб.: Алетейя, 1998. – *Прим. пер.*]; *Anderson B.* Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. Rev. ed. London, 1991 [русский перевод: *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма / Пер. В. Г. Николаева; ред. и вступ. ст. С. П. Баньковской. М.: Кучково поле, 2016. – *Прим. пер.*]. Авторы этих работ писали с марксистской точки зрения (или, как Геллнер, держа в уме советский образец). Подобно Марксу и большевикам, они воспринимали «нацию» как продукт эпохи капитализма, развившийся в связи с индустриализацией, распространением печатной культуры и т. д.

⁶ См., например: *Velychenko S.* The Issue of Russian Colonialism in Ukrainian Thought: Dependency Identity and Development // *Ab Imperio*. 2002. No. 1. P. 323–367. Величенко пишет, что в 1991 году «восемь из тринадцати политических партий Украины в своих программах называли свою страну эксплуатируемой». Он также обсуждает украинский учебник 1995 года, в котором «Советская Украина отдельно описывалась как колония, а ее партийная организация – как колониальная администрация, служащая интересам „оккупационного режима“». См. также: *Масов Р. М.* История топорного разделения. Душанбе, 1991; *Он же.* Таджики: история с грифом «совершенно секретно». Душанбе, 1995.

⁷ В частности, они опирались на работы британских ученых, писавших в то время, когда Британская империя сама испытывала болезненный процесс деколонизации. Примеры этих британских работ: *Conquest R.* The Last Empire. London, 1962; *Caroe O.* Soviet Empire: The Turks of Central Asia and Stalinism. London, 1953; *Kolarz W.* Communism and Colonialism. London, 1964. Конквест вновь выдвинул и расширил свои тезисы в книге: *Conquest R.* Stalin: Breaker of Nations. London, 1991.

ИМПЕРИЯ, НАЦИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Следуя течениям научной мысли, имевшим место после 1991 года, историки оживленно дискутировали, был ли СССР империей, государством-«нациестроителем» нового типа или некой комбинацией того и другого. Некоторые ученые подходили к этому вопросу компаративно, очерчивая типологию «наций» и «империй» и затем рассуждая, под какую категорию подпадал Советский Союз⁸. Другие изучали теоретическую литературу о нациестроительстве, национализме и колониализме, заимствуя из иных исторических контекстов модели и ключевые фразы для описания советской политики и практики, и выдвигали тезисы о советском случае большей частью на основе аналогий⁹. И наконец, третьи искали корни советского подхода к «национальному вопросу» в широком контексте «европейского модерна»¹⁰. Все эти авторы рассматривают СССР в более общем международном контексте, воздерживаются от заявлений об исключительности советского опыта и (справедливо) трактуют советский подход к национальному вопросу как ключевой для нарратива о большевистской революции. Но когда дело доходит до обсуждения уникальной формы Советского государства и сущности советского режима, все перечисленные подходы в конечном счете оказываются более описательными, чем объяснительными.

В этой книге я применяю иной подход. Я принимаю как данность, что Советский Союз во многом сильно напоминал другие модернизирующиеся империи и что его составные части – национальные республики, области и округа – в чем-то походили на национальные государства, но стремлюсь объяснить именно то, *как* и *почему* сложилась такая ситуация. Говоря конкретнее, я изучаю то, как европейские идеи «нации» и «империи» пришли в Россию и затем трансформировались в советском контексте с его марксистским восприятием исторического развития. Утверждая, что Советский Союз оформился через процесс выборочного заимствования, я прослеживаю цепочки передачи идей и практик с Запада в СССР, попытки советских лидеров, экспертов и местных элит переопределить эти идеи и практики в рамках своих специфических, иногда конкурирующих повесток и рассматриваю «активацию» этих идей и практик «на земле» среди различных групп населения.

Эта книга посвящена формированию Советского Союза. Она рассказывает и об официальном провозглашении СССР в 1922 году, и о гораздо более длительном и интенсивном процессе трансформации территорий и народов в границах этой страны¹¹. В частности, я

⁸ См., например: *Motyl A. J. Thinking About Empire // Barkey K., von Hagen M. (eds.). After Empire: Multiethnic Societies and Nation-Building. Boulder, 1997. P. 19–29; Dawisha K., Parrot B. (eds.). The End of Empire? The Transformation of the USSR in Comparative Perspective. Armonk, NY, 1997.* Советский Союз сравнивается с другими империями, но без этой типологизации, в работе: *Lieven D. Empire: The Russian Empire and Its Rivals. New Haven, 2000.*

⁹ О применимости термина «положительное действие» («положительная деятельность»), или «affirmative action», в советском контексте см.: *Martin T. The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca, 2001* [русский перевод: *Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2011. – Прим. пер.*]. Пола Майклс в своей работе о медицинской пропаганде в Советском Казахстане опирается на литературу о британском империализме и медицине, но не объясняет сходства между советской и британской ситуациями. См.: *Michaels P. A. Medical Propaganda and the Cultural Revolution in Soviet Kazakhstan, 1928–41 // The Russian Review. 2000. Vol. 59. No. 2. P. 159–178.*

¹⁰ См., например: *Hoffman D. L. European Modernity and Soviet Socialism // Hoffman D. L., Kotsonis Y. (eds.). Russian Modernity: Politics, Knowledge, Practices. New York, 2000. P. 245–260.* Хоффман опирается на идеи Зигмунта Баумана. См.: *Bauman Z. Modernity and the Holocaust. Ithaca, 1989.*

¹¹ Об официальном провозглашении СССР в 1922 году см.: *Pipes R. The Formation of the Soviet Union; Smith J. The Bolsheviks and the National Question; Carr E. H. The Bolshevik Revolution, 1917–1923. New York, 1950. Vol. 1.* О попытках советской власти преобразовать нерусские регионы см.: *Northrop D. Veiled Empire: Gender and Power in Stalinist Central Asia. Ithaca, 2004; Edgar A. L. Tribal Nation: The Making of Soviet Turkmenistan. Princeton, 2004.*

стремлюсь понять, каким образом большевики изменяли индивидуальные и групповые идентичности населения бывшей Российской империи. Я избегаю взгляда на СССР как на «тюрьму народов» и трактую «советизацию» всех (и русского, и нерусских) народов внутри советских границ как процесс, предполагающий взаимодействие и соучастие. Большевики хотели не только установить контроль над народами бывшей Российской империи – они стремились включить эти народы в революционный процесс и обеспечить их активное участие в великом социалистическом эксперименте. Опираясь лишь на силу и принуждение, большевики не могли бы достичь столь амбициозной цели. Они заключали альянсы с бывшими имперскими экспертами, обеспечивали лояльность местных элит и выстраивали административные и социальные структуры, поощрявшие массовое участие или требовавшие его.

Для процесса формирования Советского Союза не было проблемы важнее, чем национальный вопрос. Большевики поставили перед собой цель построить социализм на обширной многоэтнической территории, населенной сотнями разнообразных оседлых и кочевых народов из множества лингвистических, конфессиональных (религиозных) и этнических групп. Совершить это они пытались в эпоху национализма, на фоне Парижской мирной конференции с ее одержимостью «национальной идеей», что дополнительно усложняло их грандиозную задачу. До 1917 года большевики призывали к национальному самоопределению всех народов и осуждали любые формы колонизации как эксплуатацию. Но, захватив власть, они задумались о том, что Советской России не выжить без туркестанского хлопка и кавказской нефти. Пытаясь примирить свою антиимпериалистическую позицию с сильным желанием удержать в руках все земли бывшей Российской империи, большевики интегрировали национальную идею в административно-территориальное устройство нового Советского Союза. При содействии бывших имперских этнографов и местных элит они вписали все народы бывшей Российской империи в дефинитивную сетку официальных национальностей – одновременно даруя этим народам статус нации и облегчая централизованное управление. При помощи бывших имперских экономистов большевики выдвинули программу «советской колонизации», определив ее как план направляемого государством развития производительных сил без империалистической эксплуатации «менее развитых» народов «более развитыми».

Подход большевиков к национальному вопросу невозможно понять без учета их марксистско-ленинского мировоззрения¹². Они взяли у Карла Маркса идею, что в истории есть некая логика (или «телос») и что можно встать на «правильную сторону» исторического процесса, тщательно интерпретируя его внутреннюю динамику и высчитывая, в какой точке шкалы исторического развития мы находимся¹³. Они также взяли у Маркса и Фридриха Энгельса те базовые предпосылки, что всякий общественный порядок построен на основе экономических структур, что общества движутся вперед посредством развития «производительных сил» и эволюционируют от своих первобытных истоков, проходя стадии феодализма, капитализма и социализма, пока не совершат финального перехода к коммунизму¹⁴. Держа в уме именно эти идеи, большевики тщательно изучали европейские национальные государства и их колониальные империи. Они считали, что Западная Европа находится впереди России на шкале исторического развития и служит индикатором того, куда направляется Россия. Но больше-

¹² Важная предпосылка этой книги состоит в том, что идеология много значила для большевиков. Обсуждения важности идеологии для советского проекта см. в работах: *Kotkin S. Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization. Berkeley, 1995; Holquist P. Making War, Forging Revolution: Russia's Continuum of Crisis, 1914–1921. Cambridge, MA, 2002; Halfin I. From Darkness to Light: Class, Consciousness, and Salvation in Revolutionary Russia. Pittsburgh, 2000; Malia M. The Soviet Tragedy: A History of Socialism in Russia, 1917–1991. New York, 1994* [русский перевод: *Малия М. Советская трагедия: История социализма в России, 1917–1991. М.: РОССПЭН, 2002. – Прим. пер.*]; *Weiner A. Making Sense of War: The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution. Princeton, 2001.*

¹³ О большевистском понимании истории см.: *Halfin I. From Darkness to Light. P. 82; Malia M. The Soviet Tragedy; Cohen G. A. Karl Marx's Theory of History: A Defense. Princeton, 2000; Hoffman D. L. European Modernity and Soviet Socialism.*

¹⁴ Разработку этой идеи см. в кн.: *Cohen G. A. Karl Marx's Theory of History.*

вики рассчитывали на нечто гораздо большее, чем следовать по европейским стопам. Они были убеждены, что возможно – и желательно – не просто интерпретировать внутреннюю динамику исторического процесса, а поставить историю под контроль и толкнуть вперед¹⁵. Маркс полагал, что изменения в «экономическом базисе» вызывают соответствующие изменения в социальных формах и культуре (которые он считал частью «надстройки»). Большевики же, напротив, стремились ускорить исторический процесс, воздействуя на экономическую базу, социальные формы и культуру *одновременно*. Перед тем как хотя бы подступиться к столь монументальной задаче, они нуждались в точной информации о социальных формах и культурах, господствовавших в бывшей Российской империи.

Большевики не могли бы достичь своих целей без посторонней помощи. Лидеры нового партийного государства обладали всеохватным мировоззрением и секулярным восприятием прогресса, однако не имели даже самого поверхностного представления о землях и народах бывшей Российской империи¹⁶. С самого начала они оказались в зависимости от бывших имперских экспертов – этнографов и экономистов, – которые сами искали в европейских примерах ключи к решению российских социальных и экономических проблем. Многие из этих экспертов жили и учились в Европе. Все они хорошо разбирались в политике национализма и имперских практиках. Как и большевики, эти эксперты воспринимали российские проблемы и возможности сквозь призму европейского опыта и подобно большевикам безгранично верили в преобразующую силу научно обоснованного государственного управления и в идею прогресса. Владимир Ильич Ленин и другие большевистские лидеры были достаточно чутки и удачливы, чтобы заключить альянс с этими экспертами, которые стали помогать им в распространении революции, концептуальном завоевании советских владений и нащупывании почвы для революционной национальной политики.

Одной из групп таких экспертов была Комиссия по изучению племенного состава населения России (КИПС). Она была основана в феврале 1917 года и включала в себя этнографов, изучавших этнический состав населения России во время Первой мировой войны, когда национальный вопрос стал приобретать международное политическое значение. Российские этнографы давно завидовали своим западным коллегам из-за влияния, которое те якобы оказывали на колониальные проекты своих правительств. Но этнографы КИПС в качестве экспертов-консультантов большевистского режима играли гораздо более важную роль в работе правительства, нежели та, какую когда-либо доводилось играть большинству европейских и американских антропологов. Эти этнографы проводили всесоюзные переписи, содействовали правительственным комиссиям по размежеванию внутренних границ СССР, руководили экспедициями по изучению «человека как производительной силы», организовывали этнографические выставки и образовательные курсы по «народам СССР». Исследователи европейского колониализма, утверждающие, что антропологи «никогда не занимали ведущих мест в большом процессе имперской власти», а играли «тривиальную» роль в «поддержании структур имперского правления», возможно, пожелали бы пересмотреть свои доводы в свете советского случая¹⁷.

Этнографы КИПС не только обеспечивали советский режим необходимыми сведениями, но и помогали сформировать уникальный подход к трансформации населения. Этот подход, который я называю «поддерживаемое государством развитие», был советской версией идеи цивилизующей миссии. Он коренился в марксистской концепции развития через освоение

¹⁵ См.: *Halpin I. From Darkness to Light; Malia M. The Soviet Tragedy.*

¹⁶ Я использую термины «партийное государство» и «советский режим» как синонимы. Советский Союз часто называют партийным государством, потому что он был однопартийным режимом со взаимным переплетением партийных и государственных кадров.

¹⁷ Цит. из кн.: *Asad T. Afterword: From the History of Colonial Anthropology to the Anthropology of Western Hegemony // Stocking G. W., Jr (ed.). Colonial Situations: Essays on the Contextualization of Ethnographic Knowledge. Madison, 1991. P. 315.*

исторических стадий и опирался также на европейские антропологические теории культурного эволюционизма (в которых, как и в марксизме, разделялось телеологическое представление об «опространственном времени»)¹⁸. Идея поддерживаемого государством развития придала уникальное направление национальной идее, опираясь на тот ленинский взгляд, что прохождение обществом стадий марксистской шкалы исторического развития может быть ускорено. Начиная с 1920-х годов советский режим и его этнографы пытались возглавить процесс формирования наций в регионах, где преобладали родовые и племенные идентичности и где местные народы, казалось, не имели национального самосознания. Советские деятели опирались на ту идею, что роды и племена – это общественные формы «эпохи феодализма» и что сплавление и консолидация родов и племен в национальности (как это было при переходе к капитализму в Европе) – необходимый следующий этап на пути к социализму. Этнографы пытались помочь режиму предсказать, какие именно роды и племена в конце концов сольются и образуют новые национальности, – задача, требовавшая немалых «прыжков веры». Как и местные элиты, этнографы в то время сотрудничали с государством, помогая ему формировать национальные территории, официальные национальные языки и культуры для этих групп. Поддерживаемое государством развитие, таким образом, основывалось на уверенности, что национальности строятся из «примордиальных» этнических групп, и на постулате, что государство может вмешиваться в естественный процесс развития и «конструировать» современные нации. Учитывая марксистско-ленинское мировоззрение большевиков, ясно, что научные дискуссии после 1991 года о том, на конструктивистскую или примордиалистскую концепцию национальности опирался советский режим, создают ложную дихотомию¹⁹.

Каковы были цели поддерживаемого государством развития? Во-первых, этот подход отличался от национального самоопределения. Не был он и программой «создания наций» как самоцели. Когда советский режим сплавливал роды и племена в национальности, он отбрасывал (или «пересматривал») свои прежние обещания национального самоопределения и осуждал любые попытки отделиться от Советского государства как «буржуазный национализм». Во-вторых, поддерживаемое государством развитие не было формой «положительного действия» (affirmative action), нацеленного на развитие «национальных меньшинств» за счет «национальных большинств»²⁰. Краткосрочной целью поддерживаемого государством развития было «содействовать» потенциальным жертвам *советской* экономической модернизации и тем самым провести черту между Советским государством и ненавистными «империалистическими державами». Долгосрочной целью было провести *все* население по марксистской шкале исторического развития: преобразовать роды и племена феодальной эпохи в национальности, а национальности – в социалистические нации, которые когда-нибудь в будущем, при коммунизме, должны будут слиться воедино²¹. Эта более общая концепция создает важный контекст для понимания политики режима в 1930-х годах – политики сплавления национальностей в небольшое число «развитых» социалистических наций. Некоторые историки характеризуют эту более позднюю политику как «отступление» (например, от повестки «положительного действия»)²². В настоящей книге я, напротив, доказываю, что такая политика соответствовала дол-

¹⁸ *Fabian J.* Time and the Other: How Anthropology Makes Its Object. New York, 1983. Ch. 1.

¹⁹ Здесь я не согласна с Мартином, который утверждает, что в середине 1930-х годов «произошел резкий поворот от прежнего советского представления о нациях как фундаментально современных конструктах к подчеркиванию глубоких примордиальных корней современных наций» (*Martin T.* The Affirmative Action Empire. P. 443). См. также: *Suny R. G.* Constructing Primordialism: Old Histories for New Nations // *Journal of Modern History*. 2001. December. Vol. 73. No. 4. P. 862–896.

²⁰ Здесь я также спорю с Мартином (*Martin T.* The Affirmative Action Empire).

²¹ О развитии народов по стадиям в марксистской исторической теории см.: *Slezkine Yu.* Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North. Ithaca, 1994 [русский перевод: *Слэзкин Ю.* Арктические зеркала: Россия и малочисленные коренные народы Севера. М.: Новое литературное обозрение, 2008. – *Прим. пер.*].

²² Мартин, утверждая, что в 1930-х годах режим отказался от программ «положительного действия», упускает из виду, что советская политика с самого начала была ориентирована на слияние этноисторических групп. В 1930-х годах этот процесс

госрочным целям советского режима и означала попытку еще сильнее форсировать революцию и ускорить переход к коммунистическому будущему.

Большевики очень серьезно относились к программе поддерживаемого государством развития и вкладывали в ее реализацию гораздо больше усилий, чем европейские колониальные империи – в свою собственную цивилизующую миссию²³. Советские лидеры характеризовали «отсталость» народов как следствие общественно-исторических обстоятельств, а не имманентно присущих им расовых или биологических черт. Они утверждали, что все народы могут «развиваться» и процветать в новых, советских условиях. Партийное государство выделяло значительные ресурсы на содействие этноисторической эволюции населения, закрепляя за народами официальные национальные территории, культуры, языки и исторические нарративы. Оно также дало сильный толчок «коренизации» местных учреждений, обучая узбекских, белорусских и других «национальных коммунистов» работе в государственных и партийных органах национальных республик, областей и краев.

Но было бы ошибкой идеализировать советский подход к населению. Партийное государство было преисполнено и благородных намерений, и жестокости одновременно. Оно сочетало политику «благоденствий» с насилием и террором. Оно воевало с традиционной культурой и религией, разрушало местные общины и преследовало конкретных людей и группы за проявления «стихийного национализма». Оно сажало в тюрьмы, депортировало и иногда убивало людей и целые общины за такое «преступление», как «буржуазный национализм». Кроме того, политика поддерживаемого государством развития сама по себе не означала, что все роды и племена могут развиваться в *отдельные* нации. В 1920-х годах, в разгар того, что некоторые историки называют периодом «этнофилии» режима, советские лидеры и эксперты стремились *ликвидировать* языки, культуры и обособленные идентичности сотен родов и племен, чтобы «помочь» им «развиться» (и/или сплавиться) в новые официальные национальности²⁴.

ускорился, а не был отвергнут. Доказывая, что в тот период произошло «отступление», Мартин опирается на работу: *Timasheff N. S. The Great Retreat: The Growth and Decline of Communism in Russia. New York, 1946.*

²³ Стремление советской власти преобразовать самые отдаленные территории страны резко контрастирует с политикой Британской империи, где «лишь меньшинство подвластных народов» имело реальные культурные, политические и экономические связи с центром. См.: *Anderson B. Imagined Communities. P. 92.* О британском случае см. также: *Stocking G. W., Jr. After Tylor: British Social Anthropology, 1888–1951. Madison, 1995; Cannadine D. Ornamentalism: How the British Saw Their Empire. New York, 2001.*

²⁴ О советской «этнофилии» см.: *Slezkine Yu. The USSR as a Communal Apartment. P. 415.*

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ

Одна из главных тем этой книги – роль этнографического знания в формировании Советского Союза. Я обозначаю термином «этнографическое знание» два разных типа информации. Первый – это «академические, но прикладные» знания, которые накапливали и компилировали для советского режима профессиональные этнографы, антропологи, географы и другие эксперты, зачастую с явно выраженным намерением облегчить работу государства²⁵. Русская и ранняя советская этнография была широкой научной дисциплиной, включавшей географию, археологию, физическую антропологию и лингвистику. Она во многом напоминала европейскую культурную антропологию, но отличалась от русской и советской антропологии – более узкой дисциплины, занимавшейся физической антропологией²⁶. Бывшие имперские этнографы обеспечивали партийное государство этнографическими отчетами, списками территорий и народов, картами, диаграммами структур родства и другими материалами, которые государство использовало для лучшего понимания местных жителей, распространения революции и укрепления советской власти. Эти эксперты также выработали стандартизованный словарь национальных терминов, используя особые слова («народность», «национальность», «нация») для обозначения этнических групп на разных стадиях развития.

Второй тип информации – это локальные знания, поставляемые местными руководителями и администраторами в центральные партийные и государственные учреждения и касающиеся территорий и народов в их непосредственном ведении²⁷. Некоторые представители этих местных элит считали себя коммунистами и придерживались официальных советских позиций. Отношения других с советским режимом оставались менее однозначными. Большинство их участвовало в борьбе за власть на местах и использовало национальную идею как инструмент продвижения интересов их собственных общин или властных группировок. В некоторых случаях местные элиты и администраторы сами проводили исследования, собирая старые данные и добывая исторические материалы из местных архивов. Они обеспечивали партийное государство своими собственными картами, отчетами и обзорами, которые иногда подтверждали информацию экспертов, иногда противоречили ей, а иногда даже опирались на нее.

Этнографическое знание никогда не бывает ценностно нейтральным, хотя может выглядеть таковым, если приобретено путем научных исследований. Фактически оно всегда является результатом ряда решений и оценок и в большинстве случаев воплощает в себе предрассудки и амбиции конкретных людей, занимавшихся сбором данных, классификацией и оформлением результатов²⁸. Этнографы и другие эксперты выбирали определенные подходы и критерии для изображения народов, основываясь отчасти на собственном образовании, собственных институциональных связях и ранее усвоенных идеях о различных народах и регионах. Местные элиты, со своей стороны, представляли партийным и государственным комиссиям карты и данные, подкреплявшие притязания соответствующих местных группировок на спор-

²⁵ *Stocking G. W., Jr.* Maclay, Kubary, Malinowski: Archetypes from the Dreamtime of Anthropology // *Stocking G. W., Jr* (ed.). *Colonial Situations*. P. 64.

²⁶ *Gellner E.* (ed.). *Soviet and Western Anthropology*. London, 1980. P. x–xi. До революции и на протяжении 1920-х годов термины «этнография» и «этнология» часто употреблялись в России как синонимы, но позже термин «этнология» сузился и стал обозначать изучение физических или расовых характеристик.

²⁷ Я использую термин «локальное знание» несколько иначе, чем Клиффорд Гирц. Гирц интересуется прежде всего тем, как этнографы, юристы и другие эксперты интерпретируют мысли и чувства, используют их и оказывают на них влияние. Я интересуюсь тем, как местные элиты и администраторы собирают локальное знание для нужд властей или экспертов. См.: *Geertz C.* *Local Knowledge: Further Essays in Interpretative Anthropology*. New York, 1983.

²⁸ Сходные утверждения о естественно-научном знании см. в кн.: *Longino H. E.* *Science as Social Knowledge: Values and Objectivity in Scientific Inquiry*. Princeton, 1990. См. также: *Foucault M.* *The Archaeology of Knowledge and the Discourse on Language* / Transl. by A. M. Sheridan Smith. New York, 1972.

ные земли и другие ресурсы. Предубеждения и упования этих лиц, снабжавших режим информацией, имели большое значение. Критерии, на основании которых этнографы определяли национальную принадлежность индивидов и групп, – язык, физический тип, этническое происхождение или самоопределение – влияли на составление этнографических карт, на основании которых делились земли. Дадут ли народу права нации, зависело от того, включались ли в список национальностей только «чистокровные этнические группы» или и «смешанные» тоже. Принцип, на основе которого местные элиты претендовали на роль представителей местного населения, – общий язык, родовые связи или культурное сходство – влиял на размежевание новых национальных территорий. В этой книге я показываю, каким образом все эти варианты выбора воздействовали на административно-территориальную структуру Советского Союза, на выделение тех или иных ресурсов различным группам населения и на развитие «советских» национальных идентичностей.

Основная масса литературы о советской национальной политике посвящена почти исключительно партийному государству – на том основании, что все значимые решения принимали вожди партии в Москве. Но фактически производство знаний не так-то просто отделить от осуществления власти в Советском Союзе – как и в любом другом современном государстве. Безусловно, партийное государство было локусом политической власти. Но оно не имело монополии на знания, а, напротив, в значительной степени зависело от информации о населении, поставляемой экспертами и местными элитами. Собирая важные этнографические данные, влиявшие на представления режима о своих землях и народах, и помогая режиму создавать официальные категории и списки, эти эксперты и местные элиты участвовали в формировании Советского Союза. Иногда партийное государство ссылалось на этнографическое знание для рационализации того, что в действительности было чисто политическим решением. Однако чаще это государство прибегало к этнографическому знанию, чтобы определиться с формулировкой своей политики²⁹.

Впрочем, все это не означает, что этнографическое знание может существовать полностью вне политики. Не следует считать и так, будто партийное государство и группы, снабжавшие его этнографическим знанием, находились в равных или хотя бы взаимовыгодных отношениях. Силы советского режима и этих групп всегда были неравны, а их альянсы – всегда непрочны. Бывшие имперские эксперты и местные элиты разделяли с большевиками некоторые краткосрочные цели, но в большинстве своем не разделяли их марксистско-ленинского мировоззрения и мечты о строительстве социализма. Советские лидеры были готовы закрывать глаза на эти «недостатки» до тех пор, пока крайне нуждались в информации о своем населении. Но в 1929 году советский режим в основном завершил концептуальное завоевание территорий и народов внутри своих границ, во многом благодаря содействию экспертов и местных элит в предшествовавшее десятилетие. В том году партийное государство во главе с Иосифом Сталиным начало наступление на «идеологическом фронте», стремясь установить контроль над всеми лицами и институтами, задействованными в производстве знаний³⁰. В течение следующего десятилетия завязалась замысловатая петля обратной связи: этнографическое знание

²⁹ Сходные утверждения об использовании естественно-научного знания в нацистском государстве см. в работе: Szöllösi-Janze M. National Socialism and the Sciences: Reflections, Conclusions, and Historical Perspectives // Szöllösi-Janze M. (ed.). *Science in the Third Reich*. Oxford, 2001. P. 1–35.

³⁰ Это наступление сопровождало индустриализацию и коллективизацию, которые были частью сталинской «революции сверху». Партийная кампания по захвату контроля над научными и культурными учреждениями в тот период часто называется в западной историографии культурной революцией. Я же по двум причинам предпочитаю называть ее кампанией на «идеологическом фронте». Во-первых, она охватывала не только культуру. Во-вторых, сами советские лидеры и эксперты называли термином «культурная революция» свою кампанию по «окультуриванию» или «цивилизации» «отсталых» регионов. Этот вопрос я детально рассматриваю в главе 5. Шейла Фицпатрик, писавшая вскоре после китайской культурной революции, первой использовала этот термин для описания партийного наступления на научные и культурные учреждения. См.: Fitzpatrick S. *Cultural Revolution as Class War* // Fitzpatrick S. (ed.). *Cultural Revolution in Russia, 1928–1931*. Bloomington, 1978. P. 8–40.

по-прежнему влияло на советскую политику, а силовые органы партийного государства в то же время оказывали сильное влияние на производство этнографического знания. Этнографы и другие эксперты, производившие знания, перестроили свои дисциплины изнутри, чтобы избежать преследований, приспособиться к нуждам режима и спасти свои профессии. Местные элиты научились демонстрировать «правильный советский» национализм, очищенный от «буржуазных» тенденций и амбиций.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ

В этой книге, обсуждая производство этнографического знания в Советском Союзе, я изучаю то, что исследователи европейского колониализма называют культурными технологиями управления, – те формы нумерации, картографирования и опросов, с помощью которых государства «модерна» упорядочивают и осмысливают сложный человеческий и географический ландшафт³¹. Я доказываю, что в Советском Союзе, как и в других государствах и империях эпохи модерна, эти технологии поддерживали и укрепляли централизованную власть, служа дополнением к силе и принуждению. Я также доказываю, что в СССР культурные технологии управления использовались с целью реализации революционной повестки. В то время как европейские колониальные державы зачастую применяли эти технологии (намеренно или нет) «для создания новых категорий и оппозиций между колонизаторами и колонизируемыми, европейцами и азиатами, модерном и традицией», советское партийное государство применяло их для ликвидации этих оппозиций – чтобы модернизировать и трансформировать все области и народы бывшей Российской империи и включить их в единую советскую общность³². В конце 1930-х годов советский режим применял те же технологии для противопоставления иного рода – «советских» национальностей и «несоветских» (подозрительных, чужих, иностранных).

Особое внимание в этой книге уделено переписи, карте и музею – трем культурным технологиям управления, благодаря которым этнографы и другие эксперты соприкасались с ситуациями на местах и с государственной властью. Несомненно, это лишь небольшая часть культурных технологий управления, имеющих фундаментальное значение для процесса государственного строительства³³. Я посвящаю особое внимание именно этим трем технологиям из-за их важной роли в производстве и распространении этнографического знания. Перепись населения, административно-территориальная карта и этнографический музей играли ключевую роль в создании официальной дефинитивной сетки национальностей Советского Союза. Благодаря работе Бенедикта Андерсона «Воображаемые сообщества» я впервые обратила внимание на возможные связи между переписью, картой и музеем в государстве модерна³⁴. Но если Андерсон принимает как данность «важные пересечения» или «связи» между переписью, картой и музеем, то я исследую и несоответствия между ними, а не только взаимосвязи. Поэтому, в частности, я уделяю особое внимание группе экспертов, игравших значительную роль во всех этих трех областях. В Советском Союзе те же этнографы, что создавали официальный список национальностей СССР для счетчиков Центрального статистического управления, рисовали и новые карты для правительственных комиссий и составляли новые музейные экспозиции, посвященные «народам СССР». Каждая область влияла на остальные. Но в 1920-х годах они еще не полностью соответствовали друг другу: многие национальности, включенные в список,

³¹ Термин «культурные технологии управления» принадлежит Николасу Б. Дирксу. См.: *Dirks N. B. Foreword // Cohn B. S. Colonialism and Its Forms of Knowledge: The British in India. Princeton, 1996. P. ix; Dirks N. B. Castes of Mind: Colonialism and the Making of Modern India. Princeton, 2001. См. также: Crais C. Chiefs and Bureaucrats in the Making of Empire: A Drama from the Transkei, South Africa, October 1880 // The American Historical Review. 2003. Vol. 108. No. 4. P. 1034–1060.*

³² Источник цитаты: *Dirks N. B. Foreword // Cohn B. S. Colonialism and Its Forms of Knowledge. P. ix.*

³³ Можно также рассмотреть образовательные программы, систему правосудия, печать и т. д.

³⁴ *Anderson B. Imagined Communities. О переписи см. также: Cohn B. S. The Census, Social Structure and Objectification in South Asia // Cohn B. S. (ed.). An Anthropologist Among the Historians and Other Essays. New Delhi, 1987. P. 224–254; Appadurai A. Number in the Colonial Imagination // Breckenridge C. A., Veer P. van der (eds.). Orientalism and the Postcolonial Predicament: Perspectives on South Asia. Philadelphia, 1993. P. 314–339. См. также статьи в сборнике: Kertzer D., Arel D. (eds.). Census and Identity: The Politics of Race, Ethnicity, and Language in National Censuses. Cambridge, 2002. О картах и размежеваниях см.: Edney M. Mapping an Empire: The Geographical Construction of British India, 1765–1843. Chicago, 1997. Об экспозициях см.: Lebovics H. True France: The Wars over Cultural Identity, 1900–1945. Ithaca, 1992.*

не были представлены на картах и в этнографических экспозициях. Строительство Советского Союза еще не завершилось, и советские этнографы, работавшие на партийное государство, в течение следующих двадцати лет пытались привести перепись, карту и музей в более близкое соответствие друг другу.

Перепись, карта и музей облегчали процесс, который я называю двойной ассимиляцией, – ассимиляцию разнородного населения в национальные категории и одновременную ассимиляцию этих классифицированных по национальностям групп в Советское государство и общество. Проведение переписей и размежевание границ объяснялись в терминах самоопределения, но фактически служили мощными «дисциплинирующими» механизмами, облегчавшими административную консолидацию и контроль. Классификация всего населения по «национальностям» – включая роды и племена, лишённые национального самосознания, – помогала режиму реализовать повестку поддерживаемого государством развития. Организация новых национальных территорий и национальных учреждений оказалась эффективным инструментом интеграции всего нерусского населения в унифицированное Советское государство. Наконец, этнографический музей служил экспертам и администраторам важной площадкой по выработке и пропаганде нарратива о трансформации Российской империи в Советский Союз – нарратива, делавшего акцент на развитии народов СССР под эгидой советской власти.

Необходимо подчеркнуть, что двойная ассимиляция была интерактивным процессом. Режим не просто навязывал населению официальные категории и нарративы. Эти категории и нарративы и создавались, и активировались через участие экспертов и масс. При подготовке к Всесоюзной переписи по всей стране среди советских лидеров, экспертов и местных элит шли споры о том, какие народы включать в официальный список национальностей СССР. Сама перепись проводилась в форме опроса счетчиками респондентов один на один. Несомненно, хотя перепись предполагала национальную «самоидентификацию», местные жители зачастую *из этого самого опроса* узнавали о том, как идентифицировать себя в официальных терминах. Размежевание границ тоже подразумевало активное участие экспертов и местных жителей. Комиссии по пограничным спорам консультировались с экспертами и местными элитами, а также собирали петиции с мест. Эти элиты, трактуя размежевание границ как возможность нарастить свои территории и ресурсы, распространяли советскую «национальную идею» среди своего, местного населения и тем самым помогали интегрировать его в советскую общность. А посетителей этнографического музея (и других учреждений культуры) побуждали воображать себя персонажами формирующегося официального нарратива о народах СССР и, кроме того, просили высказывать «социалистическую критику» экспозиций и представлений.

Какие выводы о советском режиме позволяет сделать эта модель двойной ассимиляции? Подобно авторам многих работ, написанных после 1991 года, я в этой книге пытаюсь выйти за рамки дискуссий эпохи холодной войны, развернувшихся между сторонниками «тоталитарной модели» и «ревизионистами». «Тоталитарная школа» во многих своих версиях 1960–1970-х годов исходила из предположения, что партийное государство в сталинскую эпоху установило над населением тотальный контроль и потому социальные процессы не заслуживают изучения. В противоположность ей «ревизионистская школа» обычно уделяла больше внимания социальным процессам, интерпретируя оглашение жалоб с мест и реализацию локальных повесток как свидетельство в пользу того, что контроль со стороны партийного государства «тотальным» не был³⁵. Обе школы не придавали большого значения утверждению Ханны Арендт (высказанному в работе 1951 года «Истоки тоталитаризма»), что советский режим завоевал и удерживал

³⁵ Классические образцы «тоталитарной школы»: *Schapiro L. The Concept of Totalitarianism // Survey. 1969. No. 73. P. 93–115; Friedrich C. J., Brzezinski Z. K. Totalitarian Dictatorship and Autocracy. Cambridge, MA, 1965.* Классические образцы «ревизионистской школы»: *Lewin M. The Making of the Soviet System: Essays in the Social History of Interwar Russia. New York, 1985; Fitzpatrick S. Education and Social Mobility in the Soviet Union. Cambridge, 1979.*

власть посредством мобилизации масс³⁶. В этой книге я доказываю, что необходимо уделять пристальное внимание конкретным словарям, категориям и нарративам, посредством которых индивиды и группы выражали свои жалобы и упования, и тому, какими способами они занимались локальными повестками – прибегая к официальным каналам или нет³⁷. Я полагаю, что в той мере, в какой люди использовали официальный советский язык и взаимодействовали с советскими учреждениями, их участие «снизу» фактически помогало ассимилировать разрозненные части Союза и укреплять советскую власть. Даже те местные народности, которые пытались использовать официальные категории и языки для «сопротивления» советской власти и достижения своих собственных целей, в конце концов реифицировали эти категории и языки и тем самым были подведены под советское влияние.

³⁶ *Arendt H. The Origins of Totalitarianism. Rev. ed. San Diego, 1979* [русский перевод: *Арендт Х. Истоки тоталитаризма* / Пер. И. В. Борисовой, Ю. А. Кимелева, А. Д. Ковалёва, Ю. Б. Мишкенене, Л. А. Седова. М.: ЦентрКом, 1996. – *Прим. пер.*].

³⁷ О важности массового участия для советского проекта и о феномене людей, учившихся «говорить на большевистском языке», см.: *Kotkin S. Magnetic Mountain*.

МЕНЯЮЩИЙСЯ ЕВРОПЕЙСКИЙ ФОН

Советские лидеры и эксперты формулировали свои идеи о «нациях» и «империях» в диалоге не только между собой, но и с другими странами. Европейская «эпоха империй» и Первая мировая война (в ходе которой приобрела популярность национальная идея) создавали критически важный фон в первые годы формирования Советского государства. Но ни этот фон, ни политика советского режима, ни его практика не оставались неизменными. Советский подход к населению в 1930-х годах продолжал развиваться во многом как реакция на то, что я называю двойной угрозой: идеологический вызов со стороны нацистских расовых теорий и геополитическая опасность «империалистического окружения». Утверждения нацистов, что культурные и поведенческие признаки связаны с расовыми, что расовые признаки развиваются на основе «неизменного генетического материала» и что социальные меры не могут улучшить человеческую природу, – все это было прямым вызовом большевистскому мировоззрению. В то же время давние страхи большевиков перед «империалистическим окружением» стали казаться более чем обоснованными, когда японцы в 1930-х годах начали совершать вторжения на советский Дальний Восток, а нацисты – предъявлять права на вмешательство в дела этнических немцев в СССР. Бросая идеологический вызов советской мечте и угрожая советским границам, нацисты и их союзники тем самым ставили под удар советский проект социалистической трансформации сразу на двух фронтах.

Распространение национал-социалистических идей после 1930 года и консолидация нацистского Германского государства в 1933-м требовали убедительного ответа со стороны советского режима. В конечном счете они подтолкнули к ускорению революции и связанного с ней процесса поддерживаемого государством развития. Начиная с 1931 года (когда национал-социалистические идеи стали распространяться среди немецких ученых) советский режим потребовал от своих этнографов и антропологов дать марксистско-ленинское определение расы и собрать свидетельства в пользу той советской позиции, что развитие человека определяют не расовые признаки, а общественные условия. Эти эксперты должны были доказать, что приобретенное важнее врожденного, что «отсталость» есть продукт общественно-исторических (а не биологических) факторов и что поддерживаемое государством развитие уже достигло успеха. В то же время советский режим принял меры по защите своего пограничья и других регионов, важных в экономическом и геополитическом плане, от «ненадежных элементов», включая так называемые «диаспорные национальности», куда входили немцы, поляки и представители других национальных групп, ассоциировавшихся с зарубежными странами. Была проведена черта между «советскими» и «иностранными» нациями, и последних безжалостно выбросили из советской общности. По сути, советский режим в попытке противостоять этой двойной угрозе твердо занимал позицию против биологического детерминизма и в то же время преследовал людей «неправильного» этнического происхождения. Я исследую конфликт между этими двумя политическими курсами и его важность для понимания природы советского проекта.

СТРУКТУРА КНИГИ

Во многих работах о советской национальной политике принята сложившаяся в науке стандартная периодизация советской истории. Они начинаются с периода «новой экономической политики» (1923–1928), за которой следует эпоха «социалистического наступления» и культурной революции (1928–1932), а затем переходят к периоду «великого отступления» (1933–1938). В данной книге я использую отчасти иную периодизацию и оспариваю некоторые из этих конвенциональных ярлыков. Я исследую преемственность и разрывы между 1905 и 1941 годами с точки зрения разных исторических акторов и рассматриваю основные события с точки зрения разных регионов Советского Союза. Также я изучаю, в каком смысле сами советские лидеры и эксперты употребляли такие термины, как «культурная революция».

В первой части – «Империя, нация и научное государство» – я рассматриваю период между 1905 и 1924 годами как единое целое, анализируя цепочку принятых большевиками решений о том, как «делать революцию» в многоэтничной империи и строить государство нового типа. В главе 1 ставится вопрос, каким образом позднеимперские эксперты и большевистские лидеры построили деловые отношения друг с другом после захвата власти большевиками, и рассматриваются идеи и подходы, предложенные друг другу обеими сторонами. Я особо подчеркиваю влияние Первой мировой войны на развитие этих идей и подходов. В главе 2 анализируются межведомственные дискуссии об административно-территориальной организации Советского государства. Я рассматриваю две конкурирующие модели советского государственного устройства: этнографическую парадигму (которая отталкивалась от «национальной идеи») и экономическую парадигму (которая вдохновлялась европейской колониальной экономикой). В обеих главах я оцениваю влияние европейских идей нации, империи и экономического развития на большевиков, на бывших имперских экспертов и на процесс формирования Советского государства.

Во второй части – «Культурные технологии управления и природа советской власти» – я рассматриваю десятилетие с 1924 по 1934 год и анализирую «советизацию» новорожденного Советского Союза. В период 1924–1929 годов, согласно этой части книги, режим в основном завершил концептуальное завоевание земель и народов в своих границах, а в период 1929–1934-го, уже вооруженный ключевой информацией, попытался совершить полный разрыв с прошлым («великий перелом»). В главе 3 я рассматриваю 1-ю Всесоюзную перепись 1926 года как важный инструмент государственного строительства, обеспечивший советский режим этнографическим знанием и облегчивший революционную трансформацию населения. В главе 4 исследую размежевание новых административно-территориальных единиц (национальных республик и областей) в соответствии с этнографическими и экономическими критериями. В обеих этих главах я говорю о том, что создание официальных национальных категорий, а также политика наделения национальностей (в противоположность родам и племенам) территориями и ресурсами побуждали людей переартикулировать свои идентичности и интересы в официальных «национальных» терминах. В главе 5 рассматриваю этнографический отдел Русского музея и прослеживаю попытки экспертов и активистов политического просвещения определить, как должны выглядеть «советские национальности», и построить официальный нарратив о формировании СССР. Я изучаю письменные отзывы посетителей музея о его экспозициях и обсуждаю, каким образом эти отзывы были использованы в период «великого перелома» в интересах кампании на идеологическом фронте.

Третья часть – «Нацистская угроза и ускорение большевистской революции» – посвящена периоду 1931–1941 годов. В ней рассматривается реакция советского режима на нацистов. Я доказываю, что начиная с 1931 года, пикового года «великого перелома», режим пересмотрел условия своего альянса с бывшими имперскими экспертами, чтобы сосредоточиться

на внешнем враге – немецком расоведении. В период 1934–1941 годов, согласно этой части книги, режим стремился обезопасить границы Советского Союза и ускорить (*а не развернуть назад*) процесс революционной трансформации. Глава 6 посвящена комплексным этнографо-антропологическим экспедициям в Среднюю Азию, на Дальний Восток и в другие регионы; я изучаю то, как антропологи и этнографы опровергали утверждения немцев о расовой неполноценности советского населения и вырабатывали убедительные объяснения продолжавшейся «отсталости» некоторых из этих регионов. В главе 7 исследуются попытки этнографов использовать результаты 2-й Всесоюзной переписи (проведенной в 1937 и вторично в 1939 году), чтобы радикально ускорить сплавление национальностей в советские нации. В этой главе также рассматривается распространение внутренних паспортов – еще одной культурной технологии управления. Я доказываю, что перепись вместе с паспортом институционализировали разграничение между «советскими» и «иностранными» нациями и позволили режиму отслеживать и преследовать (истинных или подозреваемых) представителей второй группы.

В этой книге я исследую советский подход к национальному вопросу и развитие советской этнографической науки, ставя целью понять динамику советского управления. Я не сосредоточиваю внимание исключительно на научных учреждениях или партийном государстве, а рассматриваю важные точки взаимодействия между экспертами, местными элитами, партийным государством и обычными жителями страны. Надеюсь, что изучение процесса формирования Советского Союза и исследование связей между формированием национальных идентичностей и советизацией в первые десятилетия советской власти позволят нам подойти к пониманию не только причин распада Советского Союза по национальным границам в 1991 году, но и причин его устойчивости на протяжении более семидесяти лет.

Книга включает материалы, опубликованные в следующих статьях:

Hirsch F. The Soviet Union as a Work-in-Progress: Ethnographers and the Category Nationality in the 1926, 1937, and 1939 Censuses // *Slavic Review*. 1997. Vol. 56. No. 2. P. 251–278.

Hirsch F. Toward an Empire of Nations: Border-Making and the Formation of Soviet National Identities // *The Russian Review*. 2000. Vol. 59. No. 2. P. 201–226.

Hirsch F. Getting to Know «The Peoples of the USSR»: Ethnographic Exhibits as Soviet Virtual Tourism, 1923–1934 // *Slavic Review*. 2003. Vol. 62. No. 4. P. 683–709.

Hirsch F. Toward a Soviet Order of Things: The 1926 Census and the Making of the Soviet Union // Szreter S., Sholkamy H., Dharmalingam A. (eds.). *Categories and Contexts: Anthropological and Historical Studies in Critical Demography*. Oxford: Oxford University Press, 2004.

О ДАТАХ

Даты до 31 января 1918 года, когда в России приняли западный календарь, приведены по юлианскому календарю (отстающему на тринадцать дней от западного).

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

В 1925–1936 годах казахи в официальных документах назывались казаками, а их республика – Казакской АССР или Казакстаном. Во избежание двусмысленностей я повсюду, в том числе в заковыченных цитатах, использую современное написание: «казахи», «Казахская АССР», «Казахстан». В соответствии с советской терминологией перевожу Central Asia как «Средняя Азия». Орфография (за исключением случаев использования заглавных букв на месте современных строчных) и пунктуация в цитатах исправлены, если не указано иное.

Часть I. Империя, нация и научное государство

ГЛАВА 1. НА ПУТИ К РЕВОЛЮЦИОННОМУ АЛЬЯНСУ

А мало я знаю Россию. Симбирск, Казань, Петербург, ссылка и – почти все!

*Владимир Ленин, 1907*³⁸

Совершив успешный переворот в октябре 1917 года, большевики провозгласили зарю новой эры. Владимир Ильич Ульянов-Ленин воображал, что революция в России зажжет пламя европейских социалистических революций и создаст новый мировой порядок. В ожидании этого он и его соратники занялись сохранением и углублением завоеваний революции на территории бывшей Российской империи. Партия большевиков вела агитацию и пропаганду, клеймя врагов и завоевывая массовую поддержку. Она также обратилась к тому, в чем революционеры не имели опыта, – к государственному управлению.

Большевики в роли новых правителей России заявили претензии на обширные территории с многоязычным и многоэтничным населением. Это создавало как идеологические, так и практические трудности. Карл Маркс не думал, что социалистическая революция может произойти в такой империи, как Российская. В роли подпольной политической партии большевики уделяли много внимания экономическим и национальным проблемам Российской империи, писали полемические работы и о тех, и о других. Но в роли нового правительства, пришедшего к власти в 1917 году, им предстояло еще много узнать о той стране, где они рассчитывали воплотить теорию в практику и построить социализм. Многие большевистские руководители провели долгие годы в европейской эмиграции и не соприкасались с реальными условиями, имевшими место в большей части России. Они призывали к экономической трансформации и обещали национальное самоопределение, но не обладали конкретными знаниями о землях и народах бывшей империи.

В конце 1917 года к большевикам пришла помощь откуда не ждали. Непременный секретарь Академии наук Сергей Фёдорович Ольденбург предложил им экспертные услуги этнографов, географов, лингвистов и других ученых, большинство которых в прошлом верно служило царю. Среди этих экспертов были ведущие политические фигуры недавно свергнутого Временного правительства. Ольденбург являлся членом Конституционно-демократической (или кадетской) партии и называл себя конституционным монархистом. Он и его коллеги противостояли большевикам как экстремистам и знали, что большевики называют их классовыми врагами. Но вместо бегства из России или сотрудничества с антибольшевистскими силами они активно искали альянса с новой властью. В этом альянсе они видели возможность не только помочь России в войне, но и сохранить свои научные учреждения, а также реализовать свою собственную революционную повестку – с помощью научных знаний превратить Россию в современную страну³⁹. Большевики, в свою очередь, признавали Ольденбурга и его коллег ценными источниками крайне нужной информации о землях и народах Российской империи. Две комиссии Академии наук уже составляли этнографические и экономические описания России, которые сам Ленин объявил необходимыми.

³⁸ Цит. по: Горький М. Собрание сочинений в 16 т. Т. 16. М: Правда, 1979. С. 159. – Прим. пер.

³⁹ Сходные замечания о революционных целях либеральных экспертов см. в кн.: Holquist P. Making War, Forging Revolution. Introduction and ch. 1.

Альянс между большевиками и либеральными экспертами облегчался тем, что Ольденбург и Владимир Ульянов были знакомы лично. Впервые они встретились в 1891 году⁴⁰. Ольденбург незадолго до того вернулся из двухлетней поездки в Париж, Лондон и Кембридж, заканчивал работу над диссертацией по востоковедению и преподавал индийские языки и индийскую литературу в Санкт-Петербургском университете. В возрасте 29 лет он уже был автором опубликованных трудов и пользовался международной известностью⁴¹. Ульянов, студент-юрист, исключенный из Казанского университета за революционную деятельность, незадолго до того получил разрешение сдать экстерном экзамены по юриспруденции в Санкт-Петербургском университете. В марте 1891 года 21-летний Ульянов отправился в Петербург сдавать экзамены и в столице посетил Ольденбурга⁴². Он надеялся больше узнать о своем брате Александре, казненном в 1887 году за участие в неудавшемся заговоре с целью убийства царя Александра III. Александр Ульянов учился в Санкт-Петербургском университете в 1880-х годах и вращался в одних кругах с Ольденбургом. Оба были членами Студенческого научно-литературного общества – братства и пристанища либеральных и радикальных идеалистов⁴³.

Ольденбург и Владимир Ульянов принадлежали к одному и тому же узкому кругу образованных людей («обществу»), недовольных тем, что воспринималось ими как политическая, социальная и экономическая «отсталость» России от Запада. Оба критиковали царский режим, ратовали за рациональное государственное управление и научно обоснованные реформы. Оба были в широком смысле западниками, поклонниками Великой французской революции, разделяли секулярное (материалистическое) мировоззрение и жаждали увидеть преобразование России. Но представляли себе это преобразование Ольденбург и Ульянов по-разному и выбрали для себя разные жизненные пути. Ульянов прошел через русское и европейское революционное подполье: тюрьму, сибирскую ссылку и наконец европейскую эмиграцию⁴⁴. В Европе он опубликовал свою работу о стратегии революции под псевдонимом Ленин. В то время как Ульянов мечтал о свержении правительства империи, Ольденбург делал в ней быструю академическую карьеру. В 1901 году он стал членом Академии наук, а в 1904-м был назначен ее непременным секретарем⁴⁵. После 1905 года он все больше участвовал в работе Императорского Русского географического общества (ИРГО).

⁴⁰ *Ольденбург С. Ф.* Несколько воспоминаний об А. И. и В. И. Ульяновых // Красная летопись. 1924. № 2. С. 17–18; *Поспелов П. Н.* Ленин и Академия наук: Сборник документов. М., 1969. С. 89–94; *Голиков Г. И.* Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника, 1870–1924. М., 1970. Т. 1. С. 55. См. обсуждение А. П. Базиянцем различных свидетельств этой встречи: *Базиянец А. П.* Две встречи С. Ф. Ольденбурга с В. И. Лениным и развитие советского востоковедения // Скрыбин Г. К., Примаков Е. М. (ред.). Сергей Фёдорович Ольденбург. М., 1986. С. 21–28. Поспелов датирует встречу 1887 годом, Базиянец – 1891-м.

⁴¹ *Серебряков И. Д.* По страницам архива академика С. Ф. Ольденбурга // Скрыбин Г. К., Примаков Е. М. (ред.). Сергей Фёдорович Ольденбург. С. 101–112.

⁴² Там же; *Service R.* Lenin: A Biography. Cambridge, MA, 2000. P. 83–84 [русский перевод: *Сервис Р.* Ленин / Пер. Г. И. Левитан. Минск: Попурри, 2002. – Прим. пер.].

⁴³ *Серебряков И. Д.* По страницам архива академика С. Ф. Ольденбурга. С. 102–104; *Базиянец А. П.* Две встречи С. Ф. Ольденбурга с В. И. Лениным. С. 22. Ольденбург и старший Ульянов входили во внутренний круг этого общества. Ульянов вышел оттуда, когда стал планировать покушение.

⁴⁴ Ольденбург родился в 1863 году в Забайкальской области в Восточной Сибири, в дворянской семье немецкого происхождения. Ульянов родился в 1870 году в Симбирске, губернском городе на Волге. Он был сыном инспектора народных училищ и также потомственным дворянином, но нетитулованным. В 1905 году, узнав о массовых демонстрациях в России, Ульянов на короткое время вернулся в Петербург; когда рабочая революция провалилась, он снова бежал за границу. См.: *Service R.* Lenin. P. 13–30, 102–103, 129–130, 170–171, 181–187; *Серебряков И. Д.* По страницам архива академика С. Ф. Ольденбурга. С. 107; *Graham L. R.* Science in Russia and the Soviet Union: A Short History. Cambridge, 1993. P. 83–85; *Holmes L. E.* Sergei Fedorovich Ol'denburg // *Wieczynski J. L.* (ed.). The Modern Encyclopedia of Russian and Soviet History. Gulf Breeze, FL, 1981. Vol. 25. P. 237; *Pipes R.* (ed.). The Unknown Lenin: From the Secret Archives. New Haven, 1996. P. 19; Основные даты жизни и деятельности С. Ф. Ольденбурга // Скрыбин Г. К., Примаков Е. М. (ред.). Сергей Фёдорович Ольденбург. С. 120.

⁴⁵ Ольденбург был специалистом по Индии и Туркестану и заведующим кафедрой санскритской словесности факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета. См.: *Бонгард-Левин Г. М.* Индологическое и буддологическое наследие С. Ф. Ольденбурга // Скрыбин Г. К., Примаков Е. М. (ред.). Сергей Фёдорович Ольденбург. С. 30, 41–42; *Лушин Б. В.* Историк

К 1905 году Ольденбург и Ульянов прочно утвердились на своих жизненных путях и в политических взглядах; в течение следующих десяти лет оба, каждый по-своему, изучали «национальный вопрос» в Российской империи. Большую часть времени с 1905 по 1917 год Ульянов жил в Западной Европе и в Австро-Венгерской империи, дискутируя с другими социалистами и развивая свою собственную теорию о роли национальных движений в социалистической революции. Ольденбург же провел эти годы в России, организуя экспедиции для изучения земель и народов империи. Когда в ноябре 1917 года они с Ульяновым возобновили знакомство, то обнаружили, что оба в сходной мере ценят потенциал научного государственного управления и разделяют интерес к национальному вопросу. Они наладили рабочие отношения между радикальными революционерами и либеральными экспертами – отношения, повлиявшие на самое формирование Советского Союза.

В этой главе советская национальная политика рассматривается как продукт сотрудничества между большевиками и имперскими экспертами – двумя группами, чьи идеи оформились в более широких общеевропейских рамках и кристаллизовались после Первой мировой войны. В отличие от многих других исследователей советской национальной политики, которые начинают с 1917 или 1923 года и рассматривают Ленина и Иосифа Сталина как единоличных архитекторов советской политики и практики, в этой главе я уделяю основное внимание периоду между 1905 и 1917 годами и сплетаю воедино два отдельных, но взаимосвязанных сюжета⁴⁶. Первый из них – история того, как большевистские теории национализма и национальных движений развивались в ответ на интенсивную политизацию «национальной идеи» в Европе. Второй – как европейские идеи Volk («народа»), «нации» и научного управления империей были принесены в Россию группой этнографов и других экспертов. Два этих сюжета сливаются в один после октября 1917 года, когда большевики и эксперты объединились и стали вырабатывать уникальный «советский» подход к народам Российской империи, опираясь на целый ряд европейских и российских практик и идей (в том числе теории Маркса и Энгельса) и реагируя на ситуацию на местах, в том числе на появление новых национал-сепаратистских движений, которые и сами черпали вдохновение из европейского контекста. Большевики и эксперты преследовали разные, взаимно конфликтующие долгосрочные цели. Но в 1917 году те и другие отложили свои разногласия и начали работу по трансформации бывшей Российской империи в многонациональное государство нового типа, основанное не на «Боге» и «царе», а на секулярной идее прогресса.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС И БОЛЬШЕВИКИ

После неудавшейся революции 1905 года национальный вопрос в Российской империи стал привлекать все большее внимание властей. Газеты сообщали, что в западных областях, Закавказье и даже Сибири демонстрации в том году приняли «национальный характер». Царь Николай II попытался удовлетворить нерусское население империи, гарантировав ему участие в новом конституционном собрании – Государственной думе⁴⁷. Но национальные партии,

востоковедения (из научного наследия академика С. Ф. Ольденбурга) // Там же. С. 78; *Базияц А. П.* Две встречи С. Ф. Ольденбурга с В. И. Лениным. С. 26.

⁴⁶ Примеры: *Simon G.* Nationalism and Policy toward the Nationalities; *Carrère d'Encausse H.* The Great Challenge: Nationalities and the Bolshevik State, 1917–1930. New York, 1992; *Smith J.* The Bolsheviks and the National Question; *Martin T.* The Affirmative Action Empire. Пример исключения: *Pipes R.* The Formation of the Soviet Union. Пайпс начинает раньше и уделяет внимание не только большевикам, но и развитию местных националистических движений.

⁴⁷ Государственная дума была нижней палатой двухпалатного парламента, учрежденного в 1905 году. Выборы в Государственную думу были организованы по сословиям и в некоторых регионах по национальностям, чтобы обеспечить прохождение нерусских делегатов. Чарльз Стейнвелдел отмечает, что «способы группировки людей по национальностям не были указаны и зачастую были внутренне противоречивы» (*Steinwedel C.* The 1905 Revolution in Ufa: Mass Politics, Elections, and Nationality // *The Russian Review.* 2000. Vol. 59. No. 4. P. 574).

вышедшие на сцену в 1905 году, ставили перед собой более амбициозные цели: они требовали у царя даровать национальностям империи культурную и (в какой-то форме) политическую автономию. Эти партии были довольно малы и не представляли массовых движений, но после 1905 года приобрели непропорционально важную роль в политической жизни империи. Некоторые из них стремились пройти в Думу и проходили. Другие не участвовали непосредственно в политике империи, но разрабатывали свои программы в европейской эмиграции; входившие в их число социалисты братались с российскими социал-демократами⁴⁸.

Большинство национальных политических партий империи основывали свои программы на предложениях, сделанных в предшествовавшие десять лет национальностям Австро-Венгерской империи. Некоторые воспроизводили положение, выдвинутое австрийскими социал-демократами на Брюнском конгрессе 1899 года: национальностям полагаются национально-территориальные автономии – административные регионы, выделенные на основании этнографических критериев⁴⁹. Другие усвоили требование, высказанное на Брюнском конгрессе южными славянами: каждая национальность должна обладать экстерриториальной (культурной) автономией, или «самоуправлением в языковом и культурном отношении» независимо от территориальных делений. Югославянское предложение (позже принятое и развитое австрийскими социал-демократами Отто Бауэром и Карлом Реннером) стало ключевым пунктом национальной программы Еврейской социалистической партии – Бунда; позже Бунд распространил его среди других национальных партий Российской империи⁵⁰.

К 1905 году Ленин и российские социал-демократы начали формулировать собственную позицию по национальному вопросу. Свои идеи они тоже разрабатывали в диалоге с австрийскими социал-демократами и бундовцами. В тот период Ленин отрицал важность национального вопроса в Российской империи, утверждая, что в демонстрациях 1905 года не было ничего «националистического»: местные народы выражали *всеобщее* стремление к равноправию. Но его тревожила угроза международному единству социал-демократов со стороны национализма; она выглядела особенно острой в связи с тем, что еврейские, грузинские и другие группы социалистов выступали за реорганизацию Социал-демократической партии на основе национального деления⁵¹. Ленин критиковал предложения Брюнского конгресса, популярные среди этих социалистов, настаивая, что они замедлят социалистическую революцию. Экстерриториальная автономия воздвигнет барьеры между рабочими разных национальностей, федерализм децентрализует государство и затормозит экономическое развитие⁵². С другой стороны, Ленин отвергал и довод польской социал-демократки Розы Люксембург о том, что социалисты как твердые интернационалисты не должны поддерживать вообще никаких национальных

⁴⁸ Многие из этих политических партий работали в подполье до учреждения Думы в 1905 году. См.: *Pipes R. The Formation of the Soviet Union.*

⁴⁹ *Pipes R. The Russian Revolution.* New York, 1990. P. 19 [русский перевод: *Паинс Р. Русская революция.* М.: Захаров, 2005. Кн. 1–3. – *Прим. пер.*].

⁵⁰ *Pipes R. The Formation of the Soviet Union.* P. 24, 27–28; *Bottomore T., Goode P. (eds., transl.). Austro-Marxism.* Oxford, 1978. Другими национальными партиями были, в частности, белорусская Грамада и армянская Дашнакцутюн.

⁵¹ См., например, работы Ленина «Проект резолюции о выходе Бунда из РСДРП», «Последнее слово бундовского национализма» и «Резолюция [III Съезда РСДРП] „Об отношении к национальным социал-демократическим организациям“» в кн.: В. И. Ленин, КПСС о борьбе с национализмом: Документы и материалы / Под общ. ред. С. Т. Калтахчяна. М., 1985. С. 120, 129–131, 175.

⁵² *Pipes R. The Formation of the Soviet Union.* P. 33. В 1903 году российские социал-демократы добавили в свою программу пункт, подтверждающий, что они поддерживают «право на самоопределение для всех наций, составляющих государство»; II Интернационал утвердил этот пункт в 1896 году (*Connor W. The National Question in Marxist-Leninist Theory and Strategy.* Princeton, 1984. P. 30). Как указывал Ленин, если нация решит не отделяться, то не будет иметь никаких иных прав *в качестве нации*. Но относящиеся к ней люди будут иметь право требовать равноправия с представителями других наций «в вопросах языка, образования и культуры» (*Carr E. H. The Bolshevik Revolution.* Vol. 1. P. 420).

движений. По мнению Ленина, не поддерживать права угнетенных наций на отделение от государства-угнетателя значило бы поддерживать деспотизм⁵³.

Согласно всем источникам, интерес Ленина к национальным вопросам усилился в 1912 году, когда он жил в Кракове – одном из очагов национальных конфликтов в Австро-Венгерской империи. В Кракове Ленин ближе познакомился с межнациональными конфликтами среди многоэтнического населения Австро-Венгрии⁵⁴. Эти конфликты казались особенно серьезными на фоне Балканских войн, в которых сербы, хорваты, словенцы и боснийцы сражались во имя «национального освобождения»⁵⁵. Но больше всего повлиял на Ленина и заставил его осознать важность прояснения большевистской позиции один эпизод в Петербурге. В декабре 1912 года грузинский социал-демократ – меньшевик Акакий Чхенкели произнес речь в IV Государственной думе, потребовав экстерриториальной автономии для национальностей Российской империи. Ленин был разгневан тем, что грузинские меньшевики усвоили «югославянское решение» (к тому времени с энтузиазмом поддержанное австрийскими социал-демократами) и представили его Думе как часть российской социал-демократической программы⁵⁶.

Через месяц на партийной конференции в Кракове Ленин осудил позицию грузинских меньшевиков и попросил молодого грузинского большевика написать статью с критикой идеи экстерриториальной автономии. Этим грузинским большевиком был Иосиф Виссарионович Джугашвили. Его статья «Национальный вопрос и социал-демократия» вышла в партийном журнале «Просвещение» весной 1913 года под псевдонимом Сталин. Это был дебют Сталина как автора важных статей по политике партии; четыре года спустя он был назначен народным комиссаром по делам национальностей в новом советском правительстве. Эта статья (вероятно, написанная как минимум отчасти под руководством Ленина) призывала социал-демократов к «дружной и неустанной работе... против националистического тумана». Сталин критиковал Бунд и грузинских меньшевиков за то, что они выставляют «на первый план свои особые, чисто националистические цели»⁵⁷.

В своей статье Сталин обрушился на принцип экстерриториальной автономии на том основании, что он упрочивает национальные различия, которые в противном случае сгладились бы по мере роста классового сознания. Согласно Сталину, австрийские социал-демократы совершили решающую ошибку, постулировав нации как неизменные сущности. Он доказывал, что на самом деле «нация является... исторической категорией определенной эпохи, эпохи поднимающегося капитализма». Обращая внимание на Российскую империю, он объяснял, что «серьезная ломка» 1905 года и последовавший «промышленный подъем» подтолкнули развитие капитализма, особенно на западных окраинах. Именно капитализм ускорил процесс «хозяйственной консолидации национальностей России», и те «должны были придти в движение». Новая Государственная дума, институт буржуазного государства, «дала новые возможности для оживления наций, новую широкую арену для мобилизации» национальных политических партий⁵⁸.

Сталин также разбирал вопрос «прав нации». Он отмечал, что любая существующая нация в принципе имеет право на экстерриториальную автономию и «право вступить с другими нациями в федеративные отношения». Но это не значит, что социал-демократы огульно, без

⁵³ Ленин В. И. Национальный вопрос в нашей программе // В. И. Ленин, КПСС о борьбе с национализмом. С. 125–128.

⁵⁴ Carr E. H. The Bolshevik Revolution. Vol. 1. P. 418; Connor W. The National Question in Marxist-Leninist Theory. P. 30; Pipes R. The Formation of the Soviet Union. P. 35; Wolfe B. D. Three Who Made a Revolution. New York, 1948. P. 580.

⁵⁵ Ленин В. И. Балканская война и буржуазный шовинизм // В. И. Ленин, КПСС о борьбе с национализмом. С. 20–21; Connor W. The National Question in Marxist-Leninist Theory. P. 30.

⁵⁶ Pipes R. The Formation of the Soviet Union. P. 37.

⁵⁷ Pipes R. The Formation of the Soviet Union. P. 37; Сталин И. В. Марксизм и национальный вопрос // Сталин И. В. Марксизм и национально-колониальный вопрос: Сборник избранных статей и речей. М., 1935. С. 4.

⁵⁸ Сталин И. В. Марксизм и национальный вопрос. С. 10–11.

разбора поддерживают эти права. «Обязанности социал-демократии, защищающей интересы пролетариата, и права нации, состоящей из различных классов, – две вещи разные». Сталин настаивал, что даже поддержка социал-демократами права на отделение не безусловна: отделение должно быть выгодно для «трудящихся слоев»⁵⁹. Например, социал-демократы не поддержали бы отделение от России «закавказских татар» (азербайджанцев), поскольку это значило бы отдать их массы на милость татарских «беков и мулл»⁶⁰. Эта оговорка, а также убежденность в способности лишь партии определять, что для масс «выгодно», были центральными пунктами большевистской позиции.

Сталин рекомендовал свое решение национального вопроса для наций, которые предпочли бы не отделяться от Российской империи на этапе «переходного времени» поднимающегося капитализма. Предполагая, что национальные движения возникли в результате политического или экономического угнетения и что у большинства людей нет глубоких национальных чувств, он доказывал: «национальный вопрос» может быть «решен» предоставлением населению «реальных прав у себя на месте». В частности, он предлагал дать «областную автономию» таким «определившимся единицам», как Закавказье, Украина и Польша. Областная автономия отличается от экстерриториальной автономии и федерализма тем, что не делит население по строго этнографическим границам. Национальное большинство и национальные меньшинства станут жить вместе в автономных областях, и у их членов будут одинаковые права, включая право использовать родной язык. Для поощрения духа интернационализма «рабочие всех национальностей» каждой автономной области будут организованы в пролетарские организации, объединенные «в единую партию»; со временем «интернациональная солидарность» вытеснит национальные чувства⁶¹.

Пока Сталин писал свою первую большую статью, Ленин продолжал развивать критику аргументов австрийских социал-демократов и Розы Люксембург⁶². В начале 1914 года он написал статью «О праве наций на самоопределение», важную теоретическую работу, опубликованную тоже в журнале «Просвещение»⁶³. Ленинская статья, как и сталинская, была полемической и предназначенной для других социал-демократов. Большевики прибегали к такой полемике для облегчения дискуссий по важным вопросам. Лишь позже эти работы получили статус «священных писаний», в которых советские лидеры и чиновники подыскивали подходящие цитаты для пропаганды либо обоснования тех или иных политических мер. Эти две статьи имели разное назначение и фокусировались на разных вещах. Работа Сталина была направлена против сторонников экстерриториальной автономии и писалась как призыв к другим социал-демократам «дать отпор национализму»⁶⁴. Статья Ленина была направлена против тех социал-демократов, что отвергали сам принцип национального самоопределения. Ленин объяснял, почему большевистская поддержка *определенных* национальных движений в странах, находящихся на *определенных* стадиях исторического развития, может ускорить всемирную социалистическую революцию. В этой статье он совершил теоретический прорыв, указав, что иногда социалисты могут воспользоваться мощью национализма в своих собственных целях.

Обращаясь к исторической теории Маркса (согласно которой разные экономические структуры соответствуют разным стадиям исторического развития), Ленин доказывал, что марксисты обязаны анализировать все общественные вопросы с учетом «конкретных особен-

⁵⁹ Там же. С. 14–15. Ленин первым отметил это в статье 1903 года «Национальный вопрос в нашей программе».

⁶⁰ Сталин И. В. Марксизм и национальный вопрос. С. 15.

⁶¹ Сталин И. В. Марксизм и национальный вопрос. С. 42–44.

⁶² В конце 1913 года Ленин написал «Критические заметки по национальному вопросу», а в начале 1914-го – «О праве наций на самоопределение». В тот период он также написал по национальному вопросу несколько работ меньшего объема. См.: В. И. Ленин, КПСС о борьбе с национализмом.

⁶³ Ленин В. И. О праве наций на самоопределение // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1961. Т. 25. С. 257–320.

⁶⁴ Сталин И. В. Марксизм и национальный вопрос. С. 3–4.

ностей» исторического момента. Он объяснял, что в отношении национального вопроса марксисты должны ясно различать две эпохи – «развивающегося капитализма» и «развитого». В период развивающегося капитализма буржуазия и пролетариат объединяются для свержения абсолютистского режима, национальные движения становятся массовыми и вовлекают в политику *все* классы населения. В период развитого капитализма нормой являются «сложившиеся капиталистические государства» и отношения между буржуазией и пролетариатом становятся антагонистическими⁶⁵. Ленин объяснял, что Западная Европа и Россия в данный момент стоят на разных этапах капиталистической стадии. Европа прошла через свои «буржуазно-демократические революции» между 1789 и 1871 годами и с того времени переживает стадию развитого капитализма. В России, напротив, «эпоха буржуазно-демократических революций только началась в 1905 году». «Именно потому и только потому», что Россия переживает период «развивающегося капитализма», большевикам в своей программе «нужен пункт о праве наций на самоопределение». Ленин объяснял, что ныне в России «целый ряд буржуазно-демократических национальных движений» борется против феодализма и абсолютизма и потому прогрессивен с марксистской точки зрения⁶⁶.

Но Ленин предупреждал, что принципиально важно не только указать точно, на какой стадии марксистского исторического развития находится та или иная страна, но и оценить конкретные политические условия в этих странах. Он отмечал, что в таких многоэтничных государствах, как Российская империя, зачастую одни группы доминируют над другими. Ленин явно проводил грань между двумя типами национализма: национализмом угнетающих наций и угнетенных. Он доказывал, что национализм первого типа шовинистичен, тогда как во втором есть «общедемократическое содержание». Согласно Ленину, «великорусы в России нация угнетающая» в силу того факта, что царский режим отвергает «равенство национальностей». Напротив, национальные движения на западных и восточных окраинах страны – это проявления «национализма угнетенных наций» и родились в ответ на угнетение великорусами, после того как их участники познакомились с национальными идеями через «родственные национальности» в соседних странах⁶⁷. Ленин доказывал, что социал-демократы обязаны поддерживать, по крайней мере в принципе, право этих угнетенных наций на отделение от Российской империи. Он спорил с утверждением кадетов и многих социал-демократов о том, что право на отделение приведет к «распаду государства» и затормозит экономический прогресс. Согласно Ленину, большинство народов хотят только равноправия и «на отделение они пойдут лишь тогда, когда национальный гнет и национальные трения делают совместную жизнь совершенно невыносимой»⁶⁸.

В 1913 и 1914 годах Ленин распространял свои взгляды на национальный вопрос среди европейских социал-демократов и работал из эмиграции над тем, чтобы эти его взгляды обсуждались во внутрироссийских дискуссиях⁶⁹. В мае 1914 года в письме к одному армянскому социал-демократу он заявлял, что большевикам необходимо представить в IV Государственную думу свой собственный законопроект о «равноправии наций» в противовес меньшевистским предложениям об экстерриториальной автономии. Такой законопроект обеспечивал бы «права национальных меньшинств» и устанавливал бы меры по реализации принципа «област-

⁶⁵ Ленин В. И. О праве наций на самоопределение. С. 264–265.

⁶⁶ Там же. С. 269.

⁶⁷ Ленин В. И. О праве наций на самоопределение. С. 271, 274. Он предположил, что нерусские народы на восточных окраинах узнали о «начавшихся буржуазно-демократических революциях и... национальных движениях» в Османской империи.

⁶⁸ Там же. С. 287–288. Как он отметил, если бы государство стало настолько неустойчивым, что прекратило бы функционировать в качестве экономической единицы, то «интересам капиталистического развития» (предпосылке социализма) «лучше служило бы отделение».

⁶⁹ Pipes R. The Formation of the Soviet Union. P. 46; Ленин В. И. Резолюции летнего 1913 года совещания ЦК РСДРП с партийными работниками // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1961. Т. 24. С. 58.

ной автономии». В частности, рекомендовалось, чтобы государство заменило 97 губерний на новые «автономные области», организованные на основании местных «бытовых или хозяйственных условий» и «национального состава населения». Ленин отмечал, что для успешной реализации такого закона Думе понадобится подробная информация о населении России. Он рекомендовал, чтобы в «местностях с неоднородным национальным составом населения» Дума проводила перепись каждые пять лет. Также он предлагал, чтобы местные жители сами собирали этнографические данные о себе⁷⁰. Ленин не знал, что в это время Ольденбург и его коллеги из ИРГО планировали свое собственное этнографическое исследование Российской империи. Они тоже доказывали, что Дума нуждается в этнографических знаниях для проведения успешных реформ.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ И ИМПЕРАТОРСКОЕ РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

В десятилетие после 1905 года эксперты по всей России активно участвовали в политической жизни, а С. Ф. Ольденбург был общепризнанным экспертом-активистом. Убежденный, что интересам науки лучше всего служит конституционная монархия, Ольденбург имел в 1905 году, когда была учреждена Государственная дума, основания для оптимизма. В том же году он стал членом кадетской партии и примкнул к другим интеллектуалам, верившим, что развитие науки и культуры облегчит социальную и культурную трансформацию России⁷¹. Также он стал активным участником ИРГО. Географическое общество давно выступало за политические и общественные реформы, в том числе за гражданские свободы, распространение просвещения и расширение профессиональной автономии⁷². После учреждения Думы оно стало открыто высказываться в пользу научного государственного управления и целенаправленно обратилось к исследованиям проблем практической государственной важности – таким, как национальный вопрос в империи⁷³.

Члены Отделения этнографии ИРГО были особенно заинтересованы в изучении недавнего «взрыва национализма» среди народов Азиатской России. Большевики уделяли все внимание национальным движениям на западных окраинах, а этнографы смотрели на восток; когда этнограф и член Отделения этнографии Льва Штернберга в 1910 году попросили написать статью о «национальных движениях в Российской, Германской и Австро-Венгерской империях», он решил сосредоточиться на коренных жителях («инородцах») Киргизской степи

⁷⁰ Ленин предлагал, чтобы переписи населения проводились «не реже 1 раза в 10 лет во всем государстве и не реже 1 раза в 5 лет в областях и местностях с неоднородным национальным составом населения» (*Ленин В. И.* Проект закона о равноправии наций и о защите прав национальных меньшинств // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 137). Предложенный закон не был принят. Письмо (адресованное Степану Шаумяну) обсуждается в работе: *Wolfe B. D.* Three Who Made a Revolution. P. 585–586.

⁷¹ *Думова Н. Г.* Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции. М., 1988. Катерина Кларк предполагает, что люди этого круга считали «систематизацию, рационализацию и повышенную роль культуры и науки ключевыми вопросами в повестке социальной трансформации» (*Clark K.* Petersburg: Crucible of Cultural Revolution. Cambridge, MA, 1995. P. 67). См. также: *Bailes K. E.* Natural Scientists and the Soviet System // *Koenker D. P., Rosenberg W. G., Suny R. G.* (eds.). Party, State, and Society in the Russian Civil War. Bloomington, 1989. P. 269.

⁷² Члены ИРГО разделяли эту ориентацию с членами других профессиональных организаций. См., например: *Bradley J.* Subjects into Citizens: Societies, Civil Society, and Autocracy in Tsarist Russia // *The American Historical Review.* 2002. Vol. 107. No. 4. P. 1094–1123. О роли интеллектуалов в представлениях о «модернизированной» России см.: *Engelstein L.* The Keys to Happiness: Sex and the Search for Modernity in Fin-de-Siècle Russia. Ithaca, 1992. См. также статьи в сборнике: *Clowes E., Kassow S., West J.* (eds.). Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia. Princeton, 1991.

⁷³ Члены ИРГО на своих собраниях обсуждали координацию своей работы с «повседневными вопросами управления». См., например: *Бартольд В.* Хроника: XII Съезд русских естествоиспытателей и врачей в Москве // Живая старина. 1910. Год 19. Вып. 1–2. С. 176–187; *Золотарёв Д.* Обзор деятельности Постоянной комиссии по составлению этнографических карт России при И. Р. Г. Обществе (15 окт. 1910 г. – 15 окт. 1915 г.) // Там же. 1916. Год 25. Вып. 1. С. xi–xxi.

(часть современного Казахстана), Туркестана и Сибири⁷⁴. Для этнографов вопрос стоял так: каким образом инородцы империи приобрели национальное самосознание без прямого влияния европейской национальной идеи? В статье 1909 года Ольденбург рассуждал о том, что в Азиатской России национальный вопрос связан с колониальным: русская колонизация привела к подъему национализма на востоке страны⁷⁵. Штернберг выражал сходное мнение. Он отмечал, что события 1905 года – позорное поражение в войне с «маленькой Японией» и последовавшие демонстрации по всей империи – дискредитировали «старые порядки» и послужили катализатором для «национального самовыражения» в Азиатской России. Но он доказывал, что проводимая царским правительством колонизация и русификаторская политика предшествовавшего десятилетия послужили более фундаментальными причинами «национального пробуждения» на Востоке⁷⁶.

Штернберг поделил инородцев на две группы. Первые жили в регионах, отдаленных от центра (например, в Туркестане), и вплоть до введения новой имперской колониальной политики пользовались относительной экономической и культурной независимостью. Согласно Штернбергу, у этих инородцев национальное самосознание развилось как непосредственный результат колонизации их земель. Он приводил в пример племена Киргизской степи, которые давно имели общие «язык, быт и верования», но не считали себя «единым народом» или «народностью», пока русская колонизация не поставила под угрозу их учреждения, земли и доступ к воде⁷⁷. Штернберг утверждал, что буряты «начали сознавать себя народом» также ввиду российского колониального угнетения: пока русские не попытались захватить их землю, буряты «составляли собою агрегат родов, племен, но не народ»⁷⁸. Вторую группу Штернберг описывал, в противоположность первой, как инородцев, живших попеременно с русскими в регионах, давно включенных в империю (таких, как Поволжье). Согласно Штернбергу, эти инородцы сталкивались примерно с теми же экономическими проблемами, что и русские крестьяне, и не видели в «земельном вопросе» колониального угнетения. Он утверждал, что на развитие у них национальных чувств повлияли другие вещи, например языковая русификация и принудительное крещение в православие⁷⁹.

Этнографы, как и большевистские лидеры, считали национальные движения реакцией на экономическое и политическое угнетение. Штернберг указывал на примечательное отсутствие национального сепаратизма в Азиатской и преобладающей части Европейской России и утверждал, что большинство нерусских хочет расширения своих экономических и культурных прав, а не независимости от империи⁸⁰. (Как и Ленин, он считал, что угроза сепаратизма минимальна.) Но большевики обсуждали потенциальную роль национальных движений в социалистической революции, а Штернберг и его коллеги мечтали о более либеральной версии Российской империи. Этнографы предполагали, что царский режим может предотвратить подъем национального сепаратизма, ставшего серьезной проблемой в Австро-Венгерской империи, если изучит и

⁷⁴ Штернберг Л. Инородцы. Общий обзор // Кастилянский А. И. (ред.). Формы национального движения в современных государствах: Австро-Венгрии, России, Германии. СПб., 1910. С. 533. О категории инородцев см.: *Slocum J. W. Who, and When, Were the Inorodtsy? The Evolution of the Category of «Aliens» in Imperial Russia // The Russian Review. 1998. Vol. 57. No. 2. P. 173–190.* О жизни и работах Штернберга см.: *Гаген-Торн Н. И.* Лев Яковлевич Штернберг. М., 1975.

⁷⁵ Серебряков И. Д. По страницам архива академика С. Ф. Ольденбурга. С. 108. Ольденбург также писал о киргизах, казахах и вопросе колонизации в своем личном дневнике за 6 мая 1909 года. См.: Санкт-Петербургский филиал архива РАН (далее – ПФА РАН). Ф. 208. Оп. 2. Д. 9. Л. 12–14.

⁷⁶ Штернберг Л. Инородцы. С. 535–538.

⁷⁷ Там же. С. 538, 546.

⁷⁸ Там же. С. 540, 546–547.

⁷⁹ Штернберг настаивал, что эти вопросы также имеют политическое и экономическое значение. Инородцы, не имеющие права использовать свой родной язык в общественной жизни, не способны защитить себя юридически и административно; инородцы, обращенные в православие, экономически угнетаются православным духовенством.

⁸⁰ Штернберг Л. Инородцы. С. 536, 566.

удовлетворит потребности своих нерусских подданных⁸¹. Они видели себя в новой роли заступников нерусских национальностей и поборников «объединенной России»⁸².

Этнографы обсуждали эту возможную новую роль в декабре 1909 года на XII Съезде русских естествоиспытателей и врачей в Москве. Видные члены ИРГО Дмитрий Анучин, Владимир Богданов и Всеволод Миллер участвовали в работе этнографической подсекции съезда, где люди, которые определили себя как «профессиональные этнографы», – пестрая группа, включавшая антропологов, географов, статистиков и лингвистов, – говорили о необходимости предоставить им более существенную роль в деле изучения и управления империей. Противопоставляя практическую ориентацию европейских и американских этнографов собственному «академизму», они призывали к серьезной реформе своей дисциплины⁸³.

На первый взгляд комментарии этнографов кажутся неискренними. Многие российские этнографы играли важную роль в мероприятиях государства по категоризации населения и прославлению империи. Некоторые члены Отделения этнографии, например Вениамин Семёнов-Тян-Шанский и Серафим Патканов, служили в Центральном статистическом комитете МВД, участвовали в планировании и проведении Всероссийской переписи 1897 года. Другие члены комиссии, включая Анучина, организовывали крупномасштабные этнографические выставки в России и за рубежом, на международных ярмарках, таких как Всемирная Парижская выставка⁸⁴.

Но этнографы ИРГО – которые ездили по всему миру, участвовали в международных конференциях и читали европейские и американские научные журналы – считали, что вносят гораздо меньший вклад в дела империи, чем их коллеги в Западной Европе. И это было отчасти правдой. МВД клеймило этнографию (с ее вниманием к национальности) как «рассадник сепаратизма» и считало профессиональных этнографов (высказывавшихся за уступки нерусскому населению) политически неблагонадежными, тем более что Штернберг, Владимир Богораз и некоторые другие эксперты занялись этнографией, будучи сосланными в 1890-х годах в Сибирь за антиправительственную деятельность⁸⁵. По этим и иным причинам царь и его министры обращались за информацией о населении к местным генерал-губернаторам и военным статистикам, а не к профессиональным этнографам⁸⁶.

Но верно также, что российские этнографы идеализировали положение своих европейских коллег, зачастую преувеличивая роль британских и французских антропологов в колониальных проектах их государств. Несомненно, европейские антропологи из целого ряда стран обеспечивали колониальные власти этнографической информацией и помогали своим правительствам вырабатывать «формы управления покоренными народами»⁸⁷. Но Ольденбург

⁸¹ Там же. О национальной идее и национальном сепаратизме в Австро-Венгерской империи см.: *Кастелянский А. И.* Предисловие // *Кастелянский А. И.* (ред.). *Формы национального движения в современных государствах.* С. i–xiii.

⁸² Эта позиция отражала позицию кадетов, которые отстаивали единство империи, но призывали к расширению национальных прав (см.: *Думова Н. Г.* Кадетская партия). Некоторые этнографы были настроены радикальнее.

⁸³ *Бартольд В.* Хроника: XII Съезд русских естествоиспытателей и врачей в Москве. С. 176–187; *Золотарёв Д.* Обзор деятельности Постоянной комиссии по составлению этнографических карт. С. xi–xxi. Ольденбург не присутствовал на съезде. Бартольд написал ему о нем в письме от 24 января 1910 года (ПФА РАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 33. Л. 6 об.). Эти этнографы также стремились профессионализировать свою дисциплину. Профессионализация этнографии всерьез началась в 1890-х годах и получила дополнительный импульс после 1905 года. Этнографы ИРГО заботились о том, чтобы отделить себя от миссионеров и других «дилетантов».

⁸⁴ О поездке Анучина в Европу и его участии во Всемирной Парижской выставке см.: *Богданов В. В.* Д. Н. Анучин: антрополог и географ (1843–1923). М., 1940. С. 14–16.

⁸⁵ См.: *Янович Д.* К вопросу об изучении быта народностей РСФСР // *Жизнь национальностей.* 1921. 14 декабря. № 29 (127). С. 1. И Штернберг, и Богораз жили в Нью-Йорке и работали с Францем Боасом. См. предисловие Брюса Гранта в кн.: *Shternberg L.* *The Social Organization of the Gilyak* / Ed., foreword and afterword by B. Grant. New York, 1999.

⁸⁶ О роли генерал-губернаторов в управлении Российской империей см.: *Rich D. A.* *The Tsar's Colonels: Professionalism, Strategy, and Subversion in Late Imperial Russia.* Cambridge, MA, 1998.

⁸⁷ Цит. из работы: *Соловей Т. Д.* «Коренной перелом» в отечественной этнографии (дискуссия о предмете этнологической науки: конец 1920-х – начало 1930-х гг.) // *Этнографическое обозрение.* 2001. № 3. С. 102–103. Соловей доказывает, что евро-

и Штернберг вдохновлялись европейскими дискуссиями о «прикладной антропологии» и «прикладной этнографии» задолго до того, как эти области четко оформились. Штернберга, по-видимому, вдохновляло намерение британского правительства учредить Имперское бюро антропологии – проект, который в то время ничем не закончился⁸⁸.

На съезде 1909 года Штернберг предложил, чтобы российское правительство учредило свое собственное этнографическое бюро на основе европейской модели, которое проводило бы исследования по всей империи и составляло бы карты для официального пользования⁸⁹. Штернберг уверял своих коллег, что бюро такого типа может работать на либеральную повестку, обеспечивая Думу информацией, необходимой для улучшения условий жизни инородцев империи. Другие этнографы не испытывали восторга от этого предложения, предупреждая, что их собственные цели неизбежно будут подчинены целям царской бюрократии. Анучин выступал с наиболее громкой критикой, утверждая, что правительственное этнографическое бюро приведет к потере профессиональной автономии. После не слишком продолжительных прений большинство поддержало Анучина и отвергло предложение Штернберга⁹⁰.

По следам московского съезда Отделение этнографии провело еще одну встречу – в Санкт-Петербурге⁹¹. Ольденбург, только что выбранный председателем Отделения, руководил дискуссией о его целях. Этнографы призывали к более тесному сотрудничеству между экспертами и Думой и выражали надежду, что Дума использует экспертные этнографические знания как инструмент политических и социальных реформ⁹². Именно в этом контексте Отделение этнографии включило предложения Штернберга в свою собственную повестку: оно собиралось учредить новую этнографическую исследовательскую комиссию для обеспечения Думы этнографическими отчетами и картами империи. В сентябре 1910 года Ольденбург и его коллеги организовали Комиссию по составлению этнографических карт России. Следующие шесть лет Ольденбург председательствовал или по крайней мере вел активную деятельность в Отделении этнографии и в Комиссии по составлению этнографических карт⁹³. Под его руководством картографическая комиссия обсуждала дефиницию понятия «народность», валидность языка как определяющей характеристики национальности и целесообразность применения тех же критериев для категоризации народов Азиатской России, что и для народов России Европейской. Благодаря этой комиссии заметно продвинулось составление подробной этнографической карты Российской империи⁹⁴.

пейской антропологии благоприятствовали «практические... потребности колониальной политики»: в Западной Европе эта дисциплина «пользовалась государственным покровительством и поддержкой», которые «стимулировали активный научный поиск, способствовали выдвиганию новых концепций и теорий». Она утверждает, что «в дореволюционной России этнография никогда не имела целенаправленной и масштабной государственной поддержки». Судя по исследованиям европейского колониализма, Соловей, возможно, переоценивает *непосредственное* участие европейских антропологов в колониальных проектах их государств. См., например: *Asad T. Anthropology and the Colonial Encounter. New York, 1973; Idem. Afterword. P. 314–324.*

⁸⁸ О британских планах см.: *Stocking G. W., Jr. After Tylor. P. 376–377.*

⁸⁹ *Бартольд В. Хроника: XII Съезд русских естествоиспытателей и врачей в Москве. С. 179–180.*

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Архив Русского географического общества (далее – РГО). Ф. 24. Оп. 1. Д. 78. Л. 56. Эти события отражены в источниках: Журналы заседаний Отделения Этнографии Императорского Русского Географического Общества: заседание 25 февраля 1911 г. // *Живая старина. 1911. Год 20. Вып. 1. С. v–vi; Золотарёв Д. Обзор деятельности Постоянной комиссии по составлению этнографических карт. С. xi–xxi.*

⁹² *Золотарёв Д. Обзор деятельности Постоянной комиссии по составлению этнографических карт. С. xi.*

⁹³ Ольденбург председательствовал в обеих организациях до конца 1912 года и вернулся на обе должности в 1915 году. В этом временном промежутке их занимали Всеволод Миллер и Алексей Шахматов.

⁹⁴ Ученые из Русского географического общества (в частности, Пётр Кёппен и Александр Риттих) в XIX веке составляли этнографические карты, но они освещали прежде всего Европейскую Россию (*Берг Л. С. Всесоюзное географическое общество за сто лет: 1845–1945. М.; Л., 1946. С. 168; Пытин А. Н. История русской этнографии. СПб., 1892. Т. 4. С. 104–105*). Вениамин Семёнов-Тян-Шанский и его отец, географ Пётр Семёнов-Тян-Шанский, включили подробные этнографические карты в свой одиннадцатитомный труд, в котором империя описывалась по регионам (*Семёнов-Тян-Шанский В. П., Семёнов-Тян-Шанский П. П., Ламанский В. И. (ред.). Россия. Полное географическое описание нашего отечества. СПб., 1899–1914. Т. 1–11*).

ЯЗЫК НАЦИОНАЛЬНОСТИ

Между 1908 и 1914 годами большевики и этнографы ИРГО участвовали в совершенно разных интеллектуальных и политических предприятиях. Ленин и Сталин участвовали в острой политической дискуссии с другими социалистами о пути к социализму; Ольденбург и его коллеги накапливали научные знания об империи. К 1917 году, когда Ленин и Ольденбург возобновили знакомство, революционеры и эксперты выработали свой собственный язык национальности. Их терминологии во многом пересекались, что можно объяснить принадлежностью большевиков и этнографов к одному миру: и те и другие, как и прочие русские интеллектуалы, участвовали в общеевропейской дискуссии о национальной идее. Но, хотя большевики и эксперты использовали в основном те же термины и, казалось бы, говорили на одном языке, на самом деле они определяли эти термины немного по-разному. Позже стало очевидно, что эти две группы, опираясь на разные европейские интеллектуальные традиции, зачастую вкладывали в одни и те же слова разный смысл.

Ольденбург и его коллеги использовали термины «этнографическая группа» и «племя» (последнее переводится на английский как *tribe* и иногда как *ethnicity*) более или менее синонимично. Они также употребляли термины «народность» и «национальность» (оба можно примерно перевести как *nationality*). Чаще всего этнографы использовали термин «народность», происходящий от слова «народ» (*people* или *Volk*). В 1846 году, когда Николай Надеждин утверждал, что российские этнографы должны в первую очередь изучать категорию народности, он имел в виду, что они должны изучать этнографические материалы, отражающие «сущность» русского народа⁹⁵.

Надеждин, один из основателей нового Отделения этнографии ИРГО, находился под влиянием идей немецкого романтика Иоганна Гердера. Гердер считал, что каждый народ обладает своим уникальным духом (*Volksgeist*), выражающимся в языке, культуре и обычаях простонародья (*Volk*). Надеждин также противопоставлял себя сторонникам «теории официальной народности», как ее сформулировал в 1830-х годах министр просвещения и советник царя Николая I Сергей Уваров. После Французской революции (и на фоне популярности национальных движений, распространившихся в Европе в 1820-х и 1830-х годах) Уваров искал новую государственную идеологию, которая позволяла бы России выглядеть частью «европейской цивилизации», но в то же время сохранять собственную «систему социальных ценностей»⁹⁶. Он пришел к формуле «Православие, Самодержавие, Народность», где царь представлялся «воплощением» русского народа или нации⁹⁷. В 1840-х годах русские интеллектуалы, включая Надеждина, использовали идеи немецких романтиков, чтобы «трансформировать образ русского народа» и освободить его из этих «объятий самодержавия»⁹⁸.

⁹⁵ Десятилетием раньше в статье «Европеизм и народность, в отношении к русской словесности» Надеждин охарактеризовал народность как «совокупность всех свойств, наружных и внутренних, физических и духовных, умственных и нравственных, из которых слагается физиономия русского человека, отличающая его от всех прочих людей». Цит. по: *Knight N. Ethnicity, Nationality and the Masses: Narodnost' and Modernity in Imperial Russia* // Hoffman D. L., Kotsonis Y. (eds.). *Russian Modernity*. P. 55 [русский оригинал: *Надеждин Н. И.* Литературная критика. Эстетика. М., 1972. – *Прим. пер.*].

⁹⁶ *Зорин А.* Идеология «православия – самодержавия – народности»: опыт реконструкции // Новое литературное обозрение. 1997. № 26. С. 71–104 (особ. 71, 81–82). См. также: *Anderson B.* *Imagined Communities*. Ch. 6.

⁹⁷ Цит. по: *Knight N.* *Ethnicity, Nationality and the Masses*. P. 54. См. также: *Зорин А.* Идеология «православия – самодержавия – народности». С. 71–104; *Riasanovsky N.* *Nicholas I and Official Nationality*. Berkeley, 1959. Бенедикт Андерсон при обсуждении уваровской формулы ошибочно представляет ее как «Самодержавие, Православие, Национальность» (*Anderson B.* *Imagined Communities*. P. 87). Но в действительности Уваров выбрал слово «народность» (с русским корнем «народ»), чтобы отличить Российскую империю от других европейских государств.

⁹⁸ Цит. из работы: *Knight N.* *Ethnicity, Nationality and the Masses*. P. 56. Найт отмечает это в отношении «радикальных интеллектуалов», таких как Александр Герцен. В другой статье он рассуждает о том, каким образом Надеждин использовал этнографию для достижения аналогичных целей. См.: *Knight N.* *Science, Empire, and Nationality in the Russian Geographical*

Надеждин интересовался в первую очередь русским крестьянством. Но другие члены Отделения этнографии впоследствии применили тот же подход к изучению нерусских народов империи, в том числе инородцев. Начиная с 1850-х и 1860-х годов этнографы собирали и публиковали этнографические материалы, например фольклорные произведения и описания быта, отражавшие «сущность» многих коренных народов империи⁹⁹. К 1890-м годам, когда в России вошли в моду теории культурной эволюции, эксперты Отделения этнографии использовали термин «народность» в нескольких значениях¹⁰⁰. Иногда они обозначали им отдельный народ со своим языком, этнической или национальной культурой и характерной внешностью – говорили о «русской народности», «бурятской народности», «грузинской народности» и т. д. Иногда они использовали этот термин в более узком смысле, относя лишь к той подгруппе народа, которая сохранила свою «народную» (*völkisch*) культуру.

В начале XX века русская этнография по сути оставалась наукой о народностях. Поэтому, когда в 1910 году собралась новая картографическая комиссия ИРГО, казалось естественным, что она организует свою исследовательскую работу на основе категории «народности». Но когда этнограф Дмитрий Зеленин высказал это предложение, последовал спор: какую дефиницию комиссия должна дать этому «слабому и неопределенному понятию»? Какие характеристики важнее всего для отличия одной народности от другой?¹⁰¹ Несколько членов картографической комиссии, включая Алексея Шахматова, настаивали, что один из самых надежных индикаторов народности – «родной язык»¹⁰². Эти этнографы предлагали положить в основу работы комиссии материалы Всероссийской переписи 1897 года. Перепись не включала отдельного вопроса о народности, а классифицировала большинство подданных империи по родному языку и вероисповеданию; Центральный статистический комитет, исходя из этих результатов, составил «список народностей империи»¹⁰³. Другие члены комиссии критиковали эту формулу, заявляя, что народность есть нечто большее, чем отражение языка (или языка и религии). Штернберг (только что окончивший статью о росте национального самосознания у инородцев империи) настаивал, что комиссия должна обращать внимание на «самоопределение» населения¹⁰⁴. Фёдор Волков утверждал, что для комиссии принципиально важно также картографировать антропологические (физические или расовые) характеристики¹⁰⁵. Большинство членов комиссии, в том числе Николай Могиланский, хотели, чтобы она уделила основное внимание

Society, 1845–1855 // Burbank J., Ransel D. L. (eds.). *Imperial Russia: New Histories for the Empire*. Bloomington, 1998. P. 108–141. Уваров также испытал влияние немецкого романтического национализма.

⁹⁹ Knight N. Science, Empire, and Nationality in the Russian Geographical Society. P. 127, 129, 130; *Берг Л. С.* Всесоюзное географическое общество. С. 146–147; *Пытин А. Н.* История русской этнографии. Т. 4. С. 455; Knight N. Constructing the Science of Nationality: Ethnography in Mid-Nineteenth Century Russia. Ph.D. diss. Columbia University, 1994. Об идеях Гердера см.: *Bunzl M.* Franz Boas and the Humboldtian Tradition: From Volksgeist and Nationalcharakter to an Anthropological Concept of Culture // Stocking G. W., Jr (ed.). *Volksgeist as Method and Ethic: Essays on Boasian Ethnography and the German Anthropological Tradition*. Madison, 1996. P. 17–78. О Белинском, Надеждине и влиянии Гердера см.: *Terras V.* Belinskij and Russian Literary Criticism: The Heritage of Organic Aesthetics. Madison, 1974.

¹⁰⁰ О культурно-эволюционистской школе в России см.: *Сташюкович Т. В.* Этнографическая наука и музеи (по материалам этнографических музеев Академии наук). Л., 1978. Гл. 3; *Соловей Т. Д.* «Коренной перелом» в отечественной этнографии. С. 101–121.

¹⁰¹ РГО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 78. Л. 59–62 об., 64 об. – 66.

¹⁰² Там же. Л. 65–65 об. Зеленин также предпочитал лингвистический подход.

¹⁰³ *Котельников А.* История производства и разработки всеобщей переписи населения. СПб., 1909; *Патканов С.* К таблицам XIII, XIV, XV и XVI // Тройницкий Н. А. (ред.). *Общий свод по империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года*. СПб., 1905. Т. 2. С. 1–39. Это соответствовало европейским нормам, установленным на международных статистических конгрессах. Статистики Российской империи тоже в них участвовали. В 1872 году такой международный конгресс проводился в Санкт-Петербурге. О переписи 1897 года см. также: *Darrow D. W.* Census as a Technology of Empire // *Ab Imperio*. 2002. No. 4. P. 145–176.

¹⁰⁴ РГО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 78. Л. 59 об.

¹⁰⁵ *Золотарёв Д.* Обзор деятельности Постоянной комиссии по составлению этнографических карт. С. xvii–xviii.

сочетанию языка и других этнографических характеристик, включая те элементы материальной и духовной культуры, которые являются выражением народного быта¹⁰⁶.

Эти разногласия в вопросе о смысле и лучших индикаторах народности отчасти отражали тот факт, что этнография, иногда называемая этнологией, не имела в России (и других странах) глубоких корней как отдельная научная дисциплина, а включала в свою область множество дисциплин, в том числе географию, антропологию, историю, лингвистику и фольклористику¹⁰⁷. Члены комиссии предпочитали разные методологии отчасти потому, что обучались разным наукам. Зеленин и Евфимий Карский были лингвистами, Волков и Сергей Руденко – физическими антропологами, Вениамин Семёнов-Тян-Шанский – географом. Члены комиссии не только имели разную подготовку, но и заимствовали подходы из конкурирующих европейских традиций. Руденко и Волков были последователями «французской школы» антропологии Поля Брока и изучали расовые характеристики. Могилянский, взявший свою методологию из немецкой *Völkskunde*, хотел понять, каким образом «под влиянием расовых особенностей, географической среды и исторических условий» развивается «материальный и духовный» уклад жизни отдельных народов¹⁰⁸. Штернберг, позаимствовавший методологию отчасти у британских и американских культурных эволюционистов, таких как Эдвард Б. Тайлор и Льюис Генри Морган, пытался ранжировать народы империи в соответствии с их «уровнем культуры»¹⁰⁹.

Картографическая комиссия в духе компромисса приняла широкий комплексный подход. Примечательно, что комиссия согласилась считать родной язык «основной категорией» народности; она учредила лингвистическую подкомиссию, которая начала составлять по материалам переписи 1897 года предварительный список народностей империи. Комиссия также приняла решение брать данные об антропологическом типе для дополнения – а иногда и для корректировки – данных о языке. Антропологическая подкомиссия взяла на себя полевую работу по картографированию распределения конкретных физических признаков; ее представители собирали данные о цвете волос, глаз, кожи и делали измерения головы и тела. Комиссия также учредила шесть добавочных подкомиссий для составления карт, характеризующих различные аспекты быта (хозяйственные практики, типы одежды и жилища, этническое искусство, музыку, религию) всех народов, включенных в предварительный список народностей. В совокупности лингвистические, антропологические и культурно-бытовые карты должны были выявить корреляции между родным языком, физическим типом и бытом народов Российской империи и позволить экспертам определить, какие народы смешались друг с другом¹¹⁰.

¹⁰⁶ РГО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 78. Л. 61 об. – 63.

¹⁰⁷ Этнограф и археолог Николай Харузин в конце XIX века отмечал: «Наука этнографии – наука новая... Одни ее называют этнографией, другие этнологией, иные считают ее частью антропологии или частью истории или, наконец, смешивают ее с социологией. Некоторые ученые считают ее наукой естественно-исторической, другие причисляют ее к общественным наукам». Этнографы ИРГО иногда использовали термины «этнография» и «этнология» как синонимы, а иногда применяли их, чтобы указать на разные аспекты своей дисциплины. В целом этнография считалась связанной с изучением культуры и быта, а этнология – с выявлением «возможных физических связей» между разными народами. См. дискуссию в статье: Могилянский Н. Предмет и задачи этнографии // Живая старина. 1916. Год 25. Вып. 1. С. 1–22 (особ. 7). См. также: Журнал заседания Отделения Этнографии Императорского Русского Географического Общества 4 марта 1916 г. // Там же. Вып. 2–3. С. 1–11.

¹⁰⁸ Журнал заседания Отделения Этнографии Императорского Русского Географического Общества 4 марта 1916 г. // Живая старина. 1916. Год 25. Вып. 2–3. С. 17. Также см.: Кагаров Е. Г. Пределы этнографии // Этнография. 1928. № 1. С. 13–14.

¹⁰⁹ Эти конкурирующие подходы обсуждались в журнале ИРГО «Живая старина» между 1900 и 1916 годами. Резюме основных подходов см. в публикациях: Могилянский Н. Предмет и задачи этнографии. С. 1–22; Журнал заседания Отделения Этнографии Императорского Русского Географического Общества 4 марта 1916 года. С. 1–11. Об Эдварде Тайлоре и русской этнографии см.: Журналы заседаний Отделения Этнографии Императорского Русского Географического Общества: заседание 28 октября 1911 г. // Живая старина. 1911. Год 20. Вып. 3–4. С. xxxi–xxxv. См. также: Geraci R. Ethnic Minorities, Anthropology, and Russian National Identity on Trial: The Multan Case, 1892–1896 // The Russian Review. 2000. Vol. 59. No. 4. P. 530–554.

¹¹⁰ Волков Ф. Анкетные вопросы Комиссии по составлению этнографических карт России, состоящей при Отделении Этнографии Императорского Русского Географического Общества // Живая старина. 1914. Год 23. Вып. 1–2. С. 194. Примерные вопросники прилагались (Там же. С. 195–212). См. также: Отчет о деятельности Отделения Этнографии и состоящих при нем постоянных комиссий за 1913 год // Живая старина. 1914. Год 23. Вып. 1–2. С. vii; Отчет о деятельности Отделения

Но к 1912 году картографическая комиссия пришла к пониманию, что язык, возможно, не лучший выбор в качестве индикатора народностей во всех регионах империи. Этнографы смогли составить на основе лингвистических данных предварительный список народностей Европейской России. Однако по мере продвижения на восток все очевиднее становилась необходимость в новом подходе. Во-первых, данные переписи о родном языке для крупных регионов Туркестана, Киргизской степи и Сибири были неполны и содержали ошибки. Во-вторых, даже лучшие лингвисты России не владели всеми языками народов этих регионов. В-третьих, многие инородцы империи подверглись в последние десятилетия языковой русификации и на вопрос о родном языке называли русский. Некоторые члены картографической комиссии, например специалист по Сибири Серафим Патканов, утверждали, что было бы неправильно причислять эти народы к русскому¹¹¹.

Патканов, служивший в Центральном статистическом комитете и активно участвовавший в проведении Всероссийской переписи 1897 года, давно интересовался связью между языком и национальностью. Он рассматривал этот вопрос в опубликованной объяснительной записке к итогам переписи 1897 года, комментируя данные о народностях империи, как их определили по родному языку и вероисповеданию. Патканов писал, что «часть цыган, греков и др. и многих Сибирских инородцев сильно обрусела» и, кроме того, множество народов было принудительно ассимилировано другими народами (например, татарами и башкирами). Вместе с тем он доказывал, что такие народы могли и сохранить свою национальную идентичность. Подобно тому как «ирландцы, крепко держащиеся за свою национальность, почти совсем позабыли родной язык, усвоив взамен него английский», так и многие народы России восприняли «язык и отчасти даже физические признаки» от соседей, но сохранили ощущение принадлежности к своей изначальной национальности¹¹².

Поскольку в картографической комиссии ломали голову над тем, как вернее всего отличить обрусевших инородцев от русских, Патканов предложил взять данные переписи 1897 года из категории «сословие». Почти все подданные Российской империи принадлежали к какому-нибудь сословию – дворянству, крестьянству, купечеству, мещанству, духовенству или инородцам¹¹³. Патканов отметил, что, сопоставляя данные переписи о родном языке и о сословии, можно оценить, сколько людей, записанных как «русские», на самом деле инородцы. Далее он рекомендовал комиссии изучить выборку заполненных переписных листов из Азиатской России, чтобы получить представление об этнографическом составе отдельных регионов. В некоторых частях Сибири счетчики отмечали прямо в переписных листах, к какому племени или этнографической группе (например, к бурятам, вогулам, остякам) относятся инородцы¹¹⁴. Но Патканов предупреждал, что оформление этих данных далеко не стандартизировано. Он предлагал комиссии самостоятельно провести обширные антрополого-этнографические исследования в Азиатской России¹¹⁵. Коллеги Патканова поддержали его предложение, согласившись,

Этнографии и состоящих при нем постоянных комиссий за 1912 год // Там же. 1913. Год 22. Вып. 1–2. С. хxi–хxvi; Журналы заседаний Отделения Этнографии Императорского Русского Географического Общества: заседание 25 февраля 1911 г.; *Золотарёв Д.* Обзор деятельности Постоянной комиссии по составлению этнографических карт.

¹¹¹ *Патканов С.* Проект составления племенной карты России // *Живая старина*. 1915. Год 24. Вып. 3. С. 239–240. После 1917 года в КИПС ссылались на эту статью в дискуссиях о новых этнографических картах (ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1-1917. Д. 30. Л. 79). Патканов отмечал, что народы целых регионов Туркестана были зарегистрированы как носители «тюркского» языка без уточнения и упоминания диалекта. Он винил в этом «малограмотность и небрежность местных счетчиков» (*Патканов С.* К таблицам XIII, XIV, XV и XVI. С. i–ii).

¹¹² *Патканов С.* К таблицам XIII, XIV, XV и XVI. С. i–ii.

¹¹³ Каждое сословие имело определенные обязанности и привилегии. О категории сословия см.: *Freeze G.* The Soslovie (Estate) Paradigm in Russian Social History // *The American Historical Review*. 1986. Vol. 91. No. 1. P. 11–36.

¹¹⁴ *Патканов С.* Проект составления племенной карты России. С. 239–240.

¹¹⁵ Отдел Комиссии по составлению этнографических карт России (Сибирь и Средняя Азия): выдержки из протоколов (1914–1915 г.) // *Живая старина*. 1916. Год 25. Вып. 1. С. 19–25. В статье 1915 года («Проект составления племенной карты России») Патканов резюмировал и раскрывал главные пункты своего проекта.

что Азиатская Россия требует иного подхода, чем Европейская. Для упрощения работы картографическая комиссия разделилась на две: первая, под руководством Волкова, занялась Европейской Россией и некоторыми частями Кавказа, а вторая, под руководством Штернберга, – Сибирью, Туркестаном, Киргизской степью и Дальним Востоком¹¹⁶.

В то время как этнографы ИРГО организовывали экспедиции в Азиатскую Россию, Ленин и его сторонники уделяли внимание почти исключительно «наиболее развитым» национальностям империи: полякам, финнам, литовцам, украинцам на западных окраинах и грузинам в Закавказье. У этих групп были свои национальные интеллигенции, национальные движения и ясно оформленные требования национальных прав; Ленин рассуждал о том, что они вступили в эпоху «развитого капитализма» и по уровню национального и классового самосознания аналогичны западноевропейским национальностям прошлого века. Большевики заимствовали из Западной Европы, особенно из Франции, не только примеры национального развития, но и терминологию. В то время как в картографической комиссии ИРГО шло обсуждение термина «народность», большевики в своих работах чаще всего использовали два термина: «нация» и «национальность», образованные из французских слов *nation* и *nationalité*. В отличие от членов картографической комиссии, для которых термин «национальность» иногда был синонимом «народности», у большевиков он чаще всего служил синонимом «нации»¹¹⁷. Ленин периодически писал о «равенстве наций», «равенстве всех национальностей без исключения», «объединении рабочих всех национальностей» и «праве нации на самоопределение»¹¹⁸.

Определение термина «нация» предложил большевикам Сталин в своей основополагающей статье 1913 года. Сталин утверждал, что «нация – не расовая и не племенная, а исторически сложившаяся общность людей», образовавшаяся «из разных племен и рас». Нация возникает «на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры»¹¹⁹. Для иллюстрации соотношения между нациями и племенами Сталин привел примеры из западноевропейского контекста: «Нынешняя итальянская нация образовалась из римлян, германцев, этрусков, греков, арабов и т. д. Французская нация сложилась из галлов, римлян, бриттов, германцев и т. д. То же самое нужно сказать об англичанах, немцах и прочих»¹²⁰.

Сталин также проработал вопрос о связях между языком, идентичностью и принадлежностью к нации. Он доказывал: чтобы какая-либо группа составила нацию, ее членам не обязательно иметь собственный отдельный язык; подобно Патканову, он отметил, что ирландцы и англичане «не составляют одной нации», хотя те и другие говорят по-английски. Чтобы считаться нацией, утверждал Сталин, члены группы должны иметь общий язык и территорию, а кроме того, национальное самосознание. Критикуя позицию Бунда, он заявлял, что евреи не являются нацией, поскольку «живут в разных частях земного шара» и «не понимают друг друга (говорят на разных языках)»¹²¹.

Большевики также употребляли термин «народность», хотя и реже этнографов. Этнографы иногда называли народностью простонародье (например, русское крестьянство), а иногда – народ в общем смысле, в то время как для большевиков этот термин обычно связывался с

¹¹⁶ Отчет о деятельности Отделения Этнографии и состоящих при нем комиссий за 1914 год // Живая старина. 1915. Год 24. Вып. 1–2; Отдел Комиссии по составлению этнографических карт России (Сибирь и Средняя Азия): выдержки из протоколов (1913–1914 г.) // Там же. Вып. 3. С. v–vii, 36–38.

¹¹⁷ Например, Патканов в отчетах 1914 года для картографической комиссии без различия применял термины «народность» и «национальность» к бурятам, тунгусам и другим инородцам Сибири (Патканов С. Проект составления племенной карты России. С. 240).

¹¹⁸ См.: В. И. Ленин, КПСС о борьбе с национализмом. С. 26, 29–31, 56, 66, 81.

¹¹⁹ Сталин И. В. Марксизм и национальный вопрос. С. 4–6.

¹²⁰ Там же. С. 4.

¹²¹ Там же. С. 6, 9.

«отсталостью». В языке Ленина слово «народность» обычно обозначало менее развитый народ, лишенный национального самосознания, – народ на докапиталистической или раннекапиталистической стадии исторического развития, еще не сформировавший «буржуазно-демократического националистического движения»¹²². Ленин часто называл этим термином инородцев, например описывая «русификацию нерусских народностей». В начале Первой мировой войны, развивая свое положение о связях между империализмом и национализмом, он применял этот термин к «угнетенным народностям» европейских колоний¹²³.

Употребление Лениным терминов «народность» и «национальность» было далеко не систематичным, но до некоторой степени отражало идеи Виссариона Белинского, радикального социального мыслителя и литературного критика. В 1840-х годах в своей прославленной статье о русской истории Белинский утверждал, что народность и национальность представляют два разных уровня национального развития. Белинский объяснял: народность – отражение «народной жизни»; «народ» имеет общий язык и культуру, но лишен определенного национального самосознания. Напротив, национальность присуща развитой культурной нации, чьи представители обладают национальным самосознанием, а также национальным языком и культурой¹²⁴.

¹²² Ленин не всегда использовал одну и ту же терминологию. В своих тезисах об империализме он часто называл народы Российской империи угнетающими и угнетенными «нациями». См., например: [Ленин В. И.] Из работы «Социализм и война (отношение РСДРП к войне)» // В. И. Ленин, КПСС о борьбе с национализмом. С. 162–165.

¹²³ Примеры ленинского употребления термина «народность» можно увидеть в кн.: В. И. Ленин, КПСС о борьбе с национализмом. С. 19, 33, 107, 127.

¹²⁴ Согласно Белинскому, народные песни – продукт «народности», тогда как поэзия Александра Пушкина (воплощение «национального духа» в универсальных терминах) – продукт «национальности» (Белинский В. Г. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России // Белинский В. Г. Избранные философские сочинения / Под ред. М. Т. Иовчука и З. В. Смирнова. М., 1948. Т. 1. С. 336–337). Об употреблении этих терминов Белинским см.: Terras V. Belinskij and Russian Literary Criticism. P. 94.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.